

Василий Белов

РЕМЕСЛО ОТЧУЖДЕНИЯ

*Бюрократия и экология.
Размышления при разборе бумаг*

Эксплуатация, истощение, утилизация вынуждают задаться вопросом: ради чего, на какую потребу истощаются многовековые запасы земли? И оказывается, что все это нужно для производства игрушек и безделушек, для забавы и игры. Приходить от этого в негодование, конечно, нельзя; нужно всегда помнить, что мы имеем дело с еще несовершеннолетними, хотя бы они и назывались профессорами, адвокатами и т. п.

Н. Федоров. «Философия общего дела»

До начала третьего тысячелетия осталось сто тридцать восемь месяцев. Много или мало? Этот вопрос хочется заменить каким-нибудь другим, не таким приторным. Хотя бы так: хорошо это или плохо? Лично на меня любая цифирь, будь она юбилейной или какой иной, всегда навеивает скуку. Не случайно же в русском народном быту ни юбилей, ни дни рождения не отмечались. Нынче от цифр, особенно юбилейных, человеку некуда деться.

Футурология тоже не уклонялась от числовых методов. Вспоминается, например, начало шестидесятых годов, когда в Москве во многих местах висели оптимистические плакаты: «Нынешнее поколение будет...» и т. д. Все было расписано не только по пятилеткам, но и по годам.

Осмеливаюсь утверждать, что в смысле питания у москвичей основания для оптимизма тогда действительно были. На Бутырском хуторе, где находилось наше студенческое общежитие, в продовольственных магазинах продавалось пять-шесть сортов превосходных колбас, добротная сельдь, треска горячего копчения, буженина, различные сыры вплоть до рокфора. В пятьдесят девятом году в Москве можно было купить икру и красную рыбу, причем относительно недорого. Очевидец, как говорится, не даст соврать!

Да, основания для оптимизма действительно были. В особенности у москвичей, обладающих привилегиями, но не у моих земляков-вологжан. Все пять лет студенче-

ской жизни я возил вологодское масло для себя и своих родственников из Москвы обратно в Вологду. Вожу его и теперь.

Справедлив ли такой порядок, пусть рассудят госплановские москвичи, поскольку вологжане-то уже давно рассудили. Не существует двух мнений на сей счет и у наших соседей: у ярославцев, вятичей, новгородцев, как, впрочем, и у рязанцев и тверичей. Все эти древние и звучные названия не спасают иногородних покупателей от раздраженных взглядов некоторых москвичей. Нетрудно представить, что может чувствовать покупатель, теряющий время на поездку в столицу, переплачивающий за свои же продукты, стоимость которых увеличена на стоимость проездного билета.

Но поставим вопрос шире. Не то ли же самое чувство горечи, чувство унижения испытываем мы, уже как граждане своей страны, своего государства, покупая финские яйца и сметану, кубинскую картошку, голландское масло, канадскую муку на блины и аргентинское мясо на котлеты? Не знаю кто как, но я не испытываю при этом особого восторга.

Происходят удивительные, можно сказать, необъяснимые вещи. Великая страна, обладающая грандиозными сельскохозяйственными угодьями, более чем тысячелетним опытом хлебопашества, мощным научным потенциалом и развитой промышленностью, неспособна к продовольственному обеспечению? Чуть и нелепость! В чем же тогда дело?

На этот вопрос не хотят отвечать даже *дефицитные* «Московские новости». Можно, конечно, сослаться на дефицит информации. Но для настоящего журналиста подобная ссылка звучит как признание в профессиональной беспомощности. Нынче, хотя бы по «Поднятой целине», всем известно, как загоняли в колхоз наганями. Но мало кому из молодых читателей известно о том, что колхозы были и... до колхозов. Об этих доколхозных колхозах наши историки говорят сквозь зубы либо вообще помалкивают. Хотелось бы знать — почему? Почему о расстрелах тридцать седьмого года говорят все от мала до велика, а о расстрелах, начавшихся в конце двадцать девятого года, молчат? Информации достаточно, она есть даже в газетах того времени.

Широкой публике совсем неизвестен такой, например, на первый взгляд совершенно странный момент

коллективизации, когда колхозы и создавались и разрушались одновременно. Одни и те же силы загоняли в колхоз и в то же время не пускали в колхоз. Тысячи крестьянских семей очутились в безвыходном положении. И в единоличниках оставаться нельзя, и в колхоз не пускают. И так ты не нужен, и так нехорош. Нелепость? Но было именно так. Газета «Правда Севера» № 114 от 6 октября 1929 года в тассовской заметке сообщает: «Саратов. 5. По постановлению Камышинского окружкома партии, весь материал комиссии, обследовавшей лжеколхоз «Красный мелиоратор», передан прокуратуре для привлечения виновных к ответственности. Из колхоза исключено 23 человека во главе с председателем Понасенко, Бюро Нижневолжского крайкома ВКП(б) признало недопустимым прием кулаков и других лишенцев в колхозы и предложило провести чистку всех колхозов. Окружком партии предложено взять под свое наблюдение ячейки крупных колхозов. Бывших руководителей Николаевского уезда, Камышинского окрколхозсоюза, зав. отделом по работе в деревне Астраханского окружкома, председателя Астраханского крайколхозсоюза постановлено снять с работы. Кроме того, бюро постановило, ввиду того что бывший руководитель окрколхозсоюза, работающий ныне в Колхозцентре, Чиркунов, и имевший в течение пребывания в «Красном мелиораторе» возможность изучать действительный облик последнего, явно не способен руководить колхозным строительством, сообщить в соответствующие органы для обсуждения вопроса о его дальнейшей работе».

Это всего лишь один момент. Сколько их было, этих моментов, с 1928 года!

По одним выпискам из газет можно получить более или менее объективное представление об истории нашего сельского хозяйства. К сожалению, история эта выглядит как одна сплошная полоса экспериментирования.

Однажды, лет двадцать назад, поехал я на озеро Кубенское за рыбой. Вспоминается предвесенняя небесная глубь, мартовская ясность воздуха и голубоватые холстины снежных полей, окантованные темно-зелеными ельниками. В глазах и до сих пор грунтовая дорога к

селу Никольскому. Запах первой талой воды, вернее, готового к таянию снега, напоминал запах только что выловленной рыбы. И я был уверен, что без рыбы в Вологду не вернусь. Да и в рыбе ли дело? Душа моя жаждала не столько свежей ухи, сколько весеннего общения с настоящими рыбаками.

Рассчитывая попить чаю из хлорированной воды, я остановился напротив деревеньки из пяти, может, шести домов. Заглушил машину и подошел к первому дому. У крыльца нет ни следа. Подошел ко второму — замок. У третьего дома замка на воротах нет, но стекла в окнах выбиты. Деревня была разорена и брошена, но мне не хотелось этому верить, я побежал к последнему, крайнему дому. Нет, и этот дом пуст! Ворота оказались открытыми, в сенях в беспорядке валялись вилы, осиновая дупля, ухват и сломанная корзина. Я вошел в избу. Там, в левом углу все было разворочено. Туристы таким способом добывают иконы. Печь, однако ж, стояла целехонька. Шкаф в горнице был настезь, на полочках еще стояла какая-то посуда. Пол в горнице был сплошь завален... налоговыми обязательствами и квитанциями. Я поднял с пола снимок какого-то военного, схватил наугад горсть этих бумажек, сунул в карман и по своему старому следу вернулся к машине. Завел и долго сидел, согреваясь.

Частенько сюжеты, использованные давным-давно, повторяются, подтверждаются, так сказать, документально.

Хорошо помню, как бегал смотреть первый трактор. Тот самый, который был едва ли не единственным доводом при агитации за колхоз. (Правда, причина оказалась позади следствия, сперва несколько лет был колхоз и никакого трактора, и только потом, уже благодаря колхозу, явился трактор.) Так или иначе, с помощью трактора предполагалось раз и навсегда покончить со всеми проблемами сельского хозяйства.

Мы называем землю матерью, матушкой, кормилицей, поем ей гимны и славословим. Это лишь на словах. На деле мы поступаем с ней безнравственно и жестоко, мы давно забыли, что она живая. Как все живое, она ждала милосердия. Но произошло отчуждение. Вместо любви и милосердия земле было уготовано презрение и равнодушие. Ныне человек не только травит ее химией изнутри, но и калечит физически: топит, сверлит, роет,

терзает гусеницами, то есть наносит ей раны физически, раны в прямом смысле.

Что такое ну хотя бы современный карьер? Это обширная зияющая рана, которую не залечит и миллион лет. А шахты? А свалки и затопленные территории? Строители газопроводов и линий электропередач, нефтяники, лесорубы — никому нет дела до болей земли! Что им этот крохотный, тончайший плодородный слой, кормящий человечество? Им не до него, ежели существует уже десятикилометровая скважина и почти наладилась лететь на Марс. Некоторые ученые всерьез толкуют об искусственном интеллекте. Но пока они его придумывают, они вполне могут остаться без глотка чистой воды, без куска хлеба насущного. Призрак голода не исчезает с ростом технического прогресса. Сейчас на планете более 4 миллиардов гектаров пустынь. Пустыня с помощью человека расширяется со скоростью 4 гектара в минуту. К 2000 году площадь пустынь увеличится на 20 процентов. На границе пятидесятых — шестидесятых годов лес занимал более 30 процентов суши. Но уже в 1965 году этот процент уменьшился до 22! Безжалостно и стремительно вырубается леса Африки и Южной Америки, русского Северо-Запада и Сибири. Большая часть атмосферного кислорода пополняется лесами Земли. Чем же будет дышать земляне, когда леса исчезнут?

Почти всю массу продовольствия, необходимого людям, производит тончайший гумусный слой. Гумус — явление удивительное, может быть, единственное во Вселенной. Но как безжалостна современная технология по отношению к этому нежнейшему чуду природы! Планета Земля как бы слегка всего лишь припудрена гумусом, так он тонок и беззащитен. И непонятно, чем же мы будем питаться, если егс то и дело раздувают пыльные бури да расплывают наши рукотворные моря и потоки? Переходить в питании на океанские водоросли ни физиологически, ни технологически мы не готовы.

...Оставшись вдовой, моя бабка Фоминична пахала надел босиком. Тот факт, что лошадь Карюха ходила бороздой тоже *босиком*, немаловажен, если учесть, в какие башмаки обуты нынешние железные лошади «С-100», «С-80». Особенностью отвального хлебопашества на конной тяге было то, что конь шел *бороздой*. Пахарь тоже ступал бороздой, но уже *второй бороздой*. Борозда, по которой шел конь, заваливалась *рыхлой*

землей. Ни конь, ни пахарь не ступали на эту рыхлую землю, они ходили по твердому подошвенному слою. Нынче пахоту мы не столько рыхлим, сколько утрамбовываем. Колеса и тяжелые гусеницы по многу раз в год утюжат почву.

Любителям гигантских машин нет до этого дела... В Италии я видел такую картину: фермер пахал землю на лошади, а новенький трактор, похожий на наш «Беларусь», стоял у дома. Может быть, трактор был неисправен? Или экономят солярку? Так или иначе, наши создатели гигантских машин не прочь закупать зерно, выращенное западноевропейскими фермерами.

Чем мощней и сложней наша сельскохозяйственная техника, тем более отчуждается хлебопашец от земли. Да, земля отчуждена от человека, поскольку единый цикл выращивания урожая раздроблен на множество операций. Интимные отношения человека и земли, необходимые для успешного дела, давно нарушены. Отчуждение коснулось и других, непрямых сторон жизни. Отчуждение от родины, от дома, от семьи... Отчуждение от земли подкреплено отчуждением от жилья. Люди в сельской местности разучились строить себе дома. Жилье во многих местах уже не принадлежит хлебопашцу. Так что же может удержать его на одном месте? Миграция — бич сельского хозяйства! (Одного ли сельского хозяйства?) Отчуждение произошло и в административной среде, в системе руководства. Хорошо помню, как председатели небольших, компактных колхозов краснели на колхозных собраниях. Народ разберет поведение руководства по косточкам, но и сбодрит, подсобит, подскажет, как лучше. Нынче руководитель заслонился от жизни машиной и кабинетом. Он руководит с помощью зама, телефона и бездушных бумаг. И чем выше пост, тем опасней такое отчуждение. Оно всегда оборачивается неспределенностью, неясностью положения, ошибками. Отчуждение — признак современности. Но все виды этого отчуждения начинались с отчуждения от земли...

Бабка моя Александра Фоминична овдовела в мирное время, с тремя детьми, но духом не пала. Поставила деток на ноги, успела и внуков понянчить. Моя мать овдовела тоже очень рано, в тридцать восемь, но во время всйны, растила пятерых.

Что во все времена помогало выстоять миллионам

русских, украинских, белорусских вдов? Оглядываясь на годы Отечественной войны, я думаю сейчас, что выжили мы благодаря многовековой, устойчивой и *непосредственной* связи с землей. Помню, как ежедневно ходил смстреть на ячмень, посеянный матерью в огороде около бани. В белые летние ночи он рос буквально не по дням, а по часам. Вкус тех ячменных лепешек, испеченных на широких капустных листьях, до сих пор во рту. Земля подлинно на глазах являла невыразимое чудо: за какие-то сорок северных дней она превращала сморщенный картофельный обрезок в 10—12 полновесных белых или розовых клубней, утолявших наш волчий голод. Нас не было бы, вероятно, в живых, если бы отец в 1935—1938 годах перевез нашу семью в Москву, куда уезжал плотничать. Не зря он колебался. В городе мы не выжили бы, ну пусть не мы, другие. Ведь ячмень тот не был бы посеян и те грядки картофеля не были бы засажены. Надо очень много дьявольской хитрости, чтобы уморить человека с голоду, не отрывая его от земли.

Передо мной книга «Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе (1927—1937)». (Северо-Западное книжное издательств, 1964). На странице 681 читаем:

«31 января 1930 г. бюро Северного крайкома ВКП (б) на внеочередном закрытом заседании приняло план расселения кулачества¹ в Северном крае. Планом предусмотрено: общее количество 70 000 семейств из 350 000 человек расселить по округам:

Архангельский	30 000 семейств
Вологодский	10 000 семейств
Северо-Двинский	9 500 семейств
Няндомский	8 500 семейств
Коми область	12 000 семейств

Трудоспособных мужчин партиями в 500—1000 человек направить в районы постоянного поселения для использования на лесозаготовках, сплаве и на постройке

¹ Речь идет об украинских семьях, выселенных к нам. Наше местное раскулачивание началось чуть позже. наших крестьян высылали еще дальше, на Колу и на Печору.

поселков... Всех нетрудоспособных членов семей разместить в специально приспособленных помещениях: церкви, монастыри, бараки и т. п.».

Были разработаны «нормы хозяйственного вооружения», по коим каждой семье дозволялось иметь: «...лошадь — 0,5, коров — 0,4, сбури, саней и телег по 0,5 комплекта, плугов — 0,25, борон — 0,1, кос — 2, серпов — 1, мотыг — 2, заступов — 1, топоров — 2, пил поперечных — 1, пил продольных — 0,1».

Почему лошадей 0,5, а коров — 0,4? Не совсем ясно. Неясно покамест и то, сколько украинских детей, стариков, женщин и мужчин было зарыто на импровизированных лесных кладбищах вдоль всей Северной железной дороги.

Жутковато становится, когда безымянный кто-то где-то планирует мою жизнь, решает, не спрашивая меня, быть моей деревне или не быть, течь ли моей речке, шуметь ли сосновому бору. Куда потечет и потечет ли вообще река Сухона в следующем десятилетии?

В 1937 году репрессии и раскулачивания еще продолжались, но уже перестали быть массовыми. Перст судьбы передвинулся с крестьянства на иные слои. В числе репрессированных по логике непримиримой борьбы оказались многие из тех, кто только что раскулачивал. Такой поворот нетрудно было предвидеть, ведь в мире все это бывало и раньше. Но в азарте борьбы кто учитывает уроки истории? Бывшие палачи, оказавшись на положении жертв, недоумевали: кто бы мог подумать, что так обернется?

Крестьянство примирилось с перегибами тридцатых годов, приспособилось к новым условиям: жить-то надо. Даже сосланные и раскулаченные как-то приноровились на новых местах и вновь без обиды обратились к земле-кормилице. Строили жилье, вырубали и корчевали тайгу, снова сеяли хлеб, выращивали скот. Были случаи, когда таких тружеников вновь раскулачивали. В 1937 году Вологодская область имела три с половиной тысячи колхозов. Каждый из них насчитывал в своем составе от 16 до 60 дворов. Были колхозы либо с меньшим, либо с большим количеством дворов, но преобладали как раз те, у которых от 16 до 60. Выработался оптимальный, как говорят ученые, вариант по количеству дворов — хорошо управляемый и компактный, так как хозяйства строились по ландшафтному принци-

пу. Худо-бедно, армию пополняли, войну выстояли, города прокормили, несмотря на жесточайшие налоги. Но после войны вместе с отменой непосильных налогов кому-то до зарезу понадобилась новая коллективизация: началось объединение уже самих колхозов.

Отчуждение продолжается и сейчас, болезнь зашла далеко. Так далеко, что одними разговорами о перестройке ее не вылечишь.

В моих шкафах тысячи писем от читателей, сотни писем, в коих люди обращаются с просьбой помочь. Но моя власть слишком мала, чтобы остановить усечение приусадебных участков. Вот пенсионерка из Новгородской области жалуется: «Земли-то у нас глазом не скинуть. Все знают, что без земли нет жизни, она даст мясо, молоко, овощи, а местами в достаточном количестве фрукты. Нет, не дадим народу, пусть растет ольшаник и осина. А что можно сделать на шести сотках?» Хотел я обратиться в Новгородский облисполком, но в конце письма стояла такая приписка: «Ну, Василий Иванович, уж меня не подведите, а то обрежут у меня и остатки, скажут, много стала каркать».

Она вложила в письмо свою районную газету «Коммунист» (Пестовский район). Вместо передовой там было напечатано письмо пенсионера И. Кудрявцева: «Если посмотреть на карту сегодня и сравнить с картой пятнадцатилетней давности, недосчитаешь ли десятков населенных пунктов. Возьмем совхоз «Авангард». Теперешние же специалисты уж и не знают, пожалуй, где были деревни Иваши, Тарасово, Аносово, Фомкино, Козлово. Только старожилы колхоза «Рассвет» помнят такие названия, как Езжино, Пищугино, Рахино, только в книгах двадцатилетней давности можно найти запись о том, что в Богословском сельсовете были деревни Опалево, Плоское, Никитское и другие».

Новгородские и прочие письма вновь напоминали мне поездку за рыбой. В Вологде, помнится, я вложил собранные в избе бумаги в почтовый пакет не глядя и не читая... Сколько же их, таких вот пакетов, в моих шкафах! И все они терпеливо лежат, сохнут под спудом, ждут своего часа. И зывают к совести.

В восемьдесят седьмом году я вздумал упорядочить наконец свою бумажную жизнь. Толчком к тому явил-

ся телефонный звонок из редакции «Огонька»: у меня вежливо просили рассказ. Или даже повесть. Но где их возьмешь, рассказ или повесть? Нынче они не валяются, как тогда, в молодости. Помню, двадцать восемь лет тому назад принес я в редакцию «Огонька» четыре своих лучших рассказа... Приветливый старичок Ступникер вежливо вернул их обратно. Впрочем, зачем заглядывать так далеко, не лучше ли рассказать про свежие «завороты»? Недавно, по настойчивой просьбе одного журнала, я послал в редакцию рукопись. Надо признаться, не ахти что. Я даже был рад, что не напечатали. Но ведь не напечатали-то совсем по иным причинам... Сейчас, по всем правилам гласности, я должен бы назвать и журнал и редактора, возвратившего рукопись. Но я честно скажу, что делать это побаиваюсь, предельному документализму по-прежнему мешает угроза будущих «заворотов»...

Рассказ начинался с такого абзаца: «Эпоха космоса, а точнее интеркосмоса, иными словами — НТР, сопровождается не только ядерными, но и другими взрывами (например, демографическими). Все эти взрывы и революции (хотя бы сексуальная) подробно описаны в общедоступной печати. Но до сих пор, кажется, никто не говаривал о взрыве документальном, вернее документационном, или документалистическом, а в общем, бумажно-бюрократическом. В самом деле, документ по своей значимости в жизни человека вышел теперь на первое место. Что мы значим без документа? Ночевать в гостиницу и то не пускают. Если нет командировочного удостоверения, с тобой даже не станут разговаривать. Без соответствующей бумажки невозможно выйти не только на пенсию, но даже из больницы. (Не зря говорят, что из больницы выписан.) Все мы только и делаем что куда-нибудь записываемся, выписываемся, прописываемся...»

Нет, я не могу отрекаться от такого абзаца.

Сила бумаги безжалостна к человеку. Отчуждение личности начинается с документа, душевная безответственность охотно маскируется документом. В бумагах то и дело прячется нечистая совесть. «Без бумажки я — букашка, а с бумажкой — человек», — говорится в народе. Какой человек? Человек с бумажкой. Фронтовики, уходя в разведку, освобождались от всех документов, от всех бумаг. Человек становился как бы свободным от

мелочных обязательств, оставался наедине с собственной совестью. Точно так же крестьянин, если ему не мешать, всегда без всяких бумаг выполнит свой долг хлебороба.

Так что же такое документ?

Пайцзу, хранящуюся в Эрмитаже, эту серебряную планку с дырочкой и вертикальными уйгурскими строчками, мне разрешили посмотреть только после того, как я показал служителям писательский билет. Так тщательно ее охраняют. Это не потому, что серебряная, а потому что *документ*, первое известное нам командировочное удостоверение. По этому документу разрешалось ездить бесплатно от Амура и до Дуная, сажать на кол и рубить головы, отбирать скот, продавать в рабство нищих и холостых. А как не беречь, например, петровские указы, под страхом смерти обязывающие русских людей носить немецкое платье? В приказном порядке царь понуждал наших предков брить бороды, курить и пить хмельное.

Наверное, уже в петровское время все документы с определенной долей условности можно было разделить на три главных разряда: научно-техническая документация, административно-бухгалтерская и, так сказать, индивидуально-бытовая, превратившаяся нынче в беду хуже всякой чумы. С годами она, эта бумажная чума, все совершенствовалась, но особенно большие возможности открылись для нее в нынешние времена. Документ все больше внедряется в быт, в личную и в интимную жизнь. На этом и держалась моя неудачная попытка *составить* (а не создать) документальный рассказ о маленьком человеке, перехитрившем почти всех своих недругов. Речь шла о подлинных «Договоре», «Акте», «Расписке», «Заявлении», «Объяснительной записке» и «Медицинской справке», выстроившихся в достаточно четком сюжетном порядке. Здесь все было настоящим, не моим. Я лишь расставил упущенные запятые. Конечно, судьба моего документального персонажа не ограничивалась упомянутыми бумагами: множество документов из экономии места я не использовал (среди них протокол товарищеского суда, выписки из трудовой книжки и т. д.). Подлинники всех документов и сейчас хранятся в архивах соответствующих учреждений. Сюжет заключается в том, что мужика пытаются посадить за пьянку, а он успешно с помощью таких же бумажек выкручивается (в медицинской справке говорилось, что

«внутренние органы без изменения» и что он «может быть использован на тяжелых и земляных работах»). Но... скрутили-таки! Справка райбольницы была вовсе не решающим и не заключительным документом в этой обычной, ничем не примечательной, хотя и печальной истории. А чтобы рассказать, что такое принудительное лечение в ЛТП и как оно подействовало на героя и его семью, нужно было читать и выписывать новые документы, еще более многочисленные. Они, эти безликие, жалкие и беспомощные с виду бумажки, как тараканы, плодят вороха себе подобных, от этих ворохов появляются новые вороха, и мало кому удается остановить эту цепную реакцию...

Читатель, вероятно, догадывается, что тот документальный рассказ я так и забросил, дело не довел до конца. Не интересуется меня эта рукопись и сейчас. Я ищу иные бумаги...

Мне непонятны писатели, в поисках сюжетов требующие от начальства спецкомандировок, рыскающие туда и сюда. Сюжетный дефицит, как многие прочие дефициты, дефицит мнимый. Вокруг столько сюжетов, что с лихвой хватит на все десять тысяч членов СП. Еще и останется. Хороший писатель может обойтись и совсем без сюжета. Евгений Носов, тонкий стилист и знаток детской души, написал превосходный рассказ о девочке, что жила «за лесами, за долами». Каково продолжение ее судьбы?

Однажды я видел, как срочно, самолетом, отправляли из Вологды донорскую кровь. Я знал, что из крови нынче делают много дефицитных лекарств, знал и о том, что существует наука геронтология. Носовская героиня выросла, уехала в город. Работая в магазине, она научилась пить, и когда денег у нее не было, она сдавала свою кровь. Получалось, что она пропивала свою же кровь, а из ее крови делали где-то дефицитные лекарства, которых в Вологде простому человеку не купить, и вологодского масла тоже. Масло у нас продается крестьянское, и то по талонам.

Кстати, ведь ГОСТы тоже бывают разные, и вологодский кефир совсем не похож на московский. С чего бы это? Почему в городе Соколе нет ни сгущенки, ни сыра, если Сокол сам производит эти продукты, если действует здесь крупнейший молочный комбинат? Увы, почти вся продукция этого комбината куда-то увозится.

Вологодским детишкам нечем полакомиться. Услыхав наши жалобы, один высокопоставленный товарищ, имеющий отношение к республиканскому и союзному фондированию, порекомендовал нам активнее развивать частный сектор, за счет чего и увеличивать продажу молочных продуктов.

Чуть ли не семьдесят лет мы всякими путями трети-ровали этот самый частный сектор. Нынче вдруг наше отношение к нему начисто изменилось. К несчастью (а может, и к счастью), не все зависит от нашего отношения к чему-либо. Существует объективная реальность, это она диктует свои собственные сроки для положительных изменений (например, сколько лет страна училась пить, столько же лет, если еще не больше, придется и отвыкать).

Возродить частный сектор не так-то просто. Люди уже привыкли не верить обещаниям сверху, а местное руководство научилось игнорировать самые серьезные постановления центральных органов.

Помню, во время войны косить для своего скота разрешалось только день-два, и то глубокой осенью, когда полетят белые мухи. Дальше косили за так называемые проценты: в пятидесятые годы за 10, в шестидесятые за 15, в семидесятые за 20, в восьмидесятые за 30. Если так дело пойдет и дальше, то к 2000 году мои земляки станут *испольщиками*. Боюсь, что к этому времени сено не потребуется, так как многие молодые люди, живя в сельской местности, уже не желают и не умеют заниматься животноводством. Ни куры, ни коровы, ни овцы, ни телята их не интересуют. Вся эта живность требует, во-первых, небрезгливой натуры, во-вторых, животных надо кормить. А для того чтобы их кормить, надо заготавливать корма, но косить в дождь нельзя, а когда нет дождя, то жарко. Сельское хозяйство всегда было зависимо от желания трудиться *физически*. От погоды оно тоже зависит, но про погоду-то в программе «Время» как раз и говорится в самую последнюю очередь. Сперва шахматы и фигурное катание, а уж погоде—что останется.

Но допустим, что еще не все селяне утратили вкус к животноводству. Отчего же в нашей области поголовье личных коров сокращается на две тысячи голов ежегодно? Да как раз оттого, что это частный сектор! Оттого, что для животноводства нужна не только вода, но и *земля*. Можем мы дать землю животноводу? Хотя

бы лесную, заброшенную? Такого закона пока нет.

С другой стороны, вместе с гласностью явились на свет и те крикуны, которые в зуде преобразований хотят все на свете переделать, перевернуть, поставить с ног на голову. Одним словом, революция. Даешь новизну! Нечегс, мол, цепляться за эти колхозы, надо их вообще разогнать.

А между прочим, стоит вологодским колхозам доить не по две — три тысячи литров молока в год от коровы, а всего по три с половиной — и дефицит молочных продуктов в Вологде и Череповце моментально исчезнет. Конечно, при условии, что из Госплана тотчас же не поступит команда увеличить поставки в союзный и республиканский фонды. Если такая команда поступит — опять не видать вологодским детишкам сгущенки с Сухонского молкомбината.

Но я больше чем уверен, что поступит именно такая команда.

Разбираю бумажные вороха, ищу и не нахожу то, что надо. Многим из нас, по правде говоря, приятно жить в бумажном плену. Уж так мне хочется еще раз рассказать про мою переписку со светилами медицины! Правда, академик Н. Н. Блохин на мое личное письмо не ответил, зато ответил ученый секретарь. Он-то и отфутболил меня Институту психиатрии, а с этим институтом мы не нашли общего языка. (Впрочем, не нашел этот институт общего языка и со Всемирной организацией здравоохранения: ВОЗ говорит, что алкоголь — это наркотик, Институт имени Сербского говорит, что нет.) Бумаги на алкогольную тему не вмещаются в три толстые папки. Ни в какие административные ворота они пока не влезают... Приходится заводить еще одну отдельную папку. Сестра Александра Ивановна принесла такую вот выписку из «Занимательной зоологии»: «Появление жучка ломехуза в муравейнике нарушает все связи в этой дружной семье. Жучки поедают муравьев и откладывают свои яйца в муравьиные куколки. Личинки жука очень прожорливы и поедают муравьиные яйца, но хозяева их терпят, так как ломехуза поднимает задние лапки и подставляет влажные волоски, которые муравьи с жадностью облизывают. Жидкость на волосках содержит наркотик, и, привыкая, муравьи обрекают на гибель и себя и свой муравейник.

Они забывают о работе, и для них теперь не существует ничего, кроме влажных вслосков. Вскоре большинство муравьев уже не в состоянии передвигаться даже внутри муравейника; из плохо накормленных личинок выходят муравьи-уроды, и все население муравейника постепенно вымирает. А жучок, сделавший свое «черное» дело, перебирается в соседний муравейник».

«Каков жук!» — я в сердцах заталкиваю папку подалее в шкаф. И все же «Занимательной зоологией» не стоит брезговать. В детстве я несколько сезонов работал на колхозной пасеке. Помню, как в конце лета пчелы выгоняли из домиков трутней. Мне было жалко этих толстых и беззащитных пчелиных нахлебников. Теперь я сравниваю их с одной очень многочисленной прослойкой общества, но мне почему-то жалко и тех и других. Отчего такая вот жалость частенько не только не вызывает ответного чувства альтруизма, но и воспринимается как нравственная и физическая слабость и даже поощряет новый всплеск удивительного нахальства? Меня не устраивает стройная иерархия пчелиной семьи, запрограммированной в своих действиях, не устраивает и анархическая кутерьма. Но восемнадцать миллионов чиновников, по-моему, не имеют отношения ни к тому, ни к другому. Они сами по себе. Пс-прежнему боюсь чиновника. Почти все беды, испытанные мною, были связаны с канцелярией, с бумагой, то есть с бюрократизмом. Начать хотя бы с того, что в сельсовете не записали день моего рождения (я не могу выяснить его до сих пор). Год в колхозной похозяйственной книге тоже был перепутан, и я устанавливал его дважды: в сорск девятом на медицинской комиссии и в семьдесят втором с помощью милиции и народного суда. Помню, какой испытывал страх, когда, будучи второклассником, потерял табель успеваемости. Этот эпизод снился мне многие годы. Трусость? Не надо спешить с выводами. Для сельской жизни начала тридцатых годов очень характерно было такое понятие, как «копия» или «копия с копии». Бумага или ее отсутствие могли отправить на Соловки, убить, уморить голодом. И мы, дети, уже знали эту суровую истину. Не зря составлять документы учили нас на уроках. Хорошо помню, как Николай Ефимович Мартыянов, наш сельский учитель, заставлял писать образцы документов.

В седьмом или шестом классе, помнится, мы учили

наизусть стихотворение Некрасова «Размышления у парадного подъезда»: «Вот парадный подъезд. По торжественным дням, одержимый холопским недугом, целый город с каким-то испугом подъезжает к заветным дверям». Н. А. Некрасов называл холопским недугом обычное подхалимство. Но можно ли называть холопским недугом страх беспаспортного деревенского мальчика, стоящего перед всемогущим чиновником? Дважды, в сорок шестом и сорок седьмом годах, я пытался поступить учиться. В Риге, в Вологде, в Устюге. Каждый раз меня заворачивали. Я получил паспорт лишь в сорок девятом, когда сбежал из колхоза в ФЗО. Но за пределами деревенской околицы чиновников было еще больше...

Честные люди не ведают о своей честности, для них это обычное нормальное состояние; добрые даже не подозревают, что они добрые. Скромные потому и скромные, что не знают о своей скромности и, что всего важнее, не стремятся узнать. А вот чиновник, вернее, бюрократ, потому и чиновник, что он всегда помнит, что он — чин. Первый признак бюрократа — это тщеславие. Гордость по отношению к более низшему чину, смешанная с подобострастием по отношению к более высшему чину.

Крестьянин больше всего в своей жизни боялся человека с бумагой, то есть чиновника. Тать в ночи или разбойник и тот был не так страшен для землепашца! Подписать какую-нибудь бумагу значило заложить душу. Посылать жалобу значило навлекать на себя новую, еще большую опасность. Вспомним, чем кончился Шемякин суд. Вспомним уж заодно и ту пору, когда одна полевая сумка, раскрывавшаяся финагентом Министерства заготовок, вызывала в душе тоскливое чувство обреченности (я сам не однажды испытывал это чувство).

В конце двадцать девятого года хлебороб в нашей стране оказался гонимым, незащищенным и ошельмованным.

Стереотипы вульгарно-социологического мышления и до сего дня подпитываются ложными, а точнее лживыми, представлениями о крестьянской психологии, фиктивными образами. Фигура в смазных сапогах и полосатых штанах, в жилетке и рубахе горошком, в картузе на подстриженной в кружок голове тотчас встает в вообра-

жении газетного художника, когда произносится слово «кулак». В тридцатых годах слово это, набранное всеми шрифтами, не сходило с газетных страниц, оно склонялось по всем шести падежам. Образы тургеневских Хоря и Калиныча были начисто похерены в литературе. Их заменил портовый вор Челкаш и стяжатель Гаврила. Вскоре даже дирижеры и оперные певцы предпочли сусанинской дочери лесковскую леди Макбет. «Сеятель твой и хранитель» обернулся вдруг убийцей из-за угла, поджигателем. Некрасовский мужичок с ноготок быстренько превратился в Павлика Морозова. Что за странные метаморфозы?

От литературы до экономики не такое уж долгое расстояние. Вздурораженные революцией горячие головы вздумали раз и навсегда освободиться от «власти земли». Что и былс, в общем-то, достигнуто. Связанные с землей нравственные ценности были оболганы. Подмена произошла довольно шустро (примерно с такой же скоростью, с какой Лысенко подменил Вавилова). В сельском хозяйстве тысячелетний народный опыт быстро уступил место восторженному прожектерству, невежественной псевдоучености, вслунтаризму и бюрократическому командованию. Но солнце светило по своим прежним законам. Дождь падал из туч, как тысячу лет назад, и ветер дул тоже в собственную дуду. Тайна чудесного превращения солнечного луча в зеленую хлорофилловую частицу взывала к совести земледельца. Но почтительное отношение к земле, то бишь к тончайшему, таксму нежному слою гумуса на планете, к природному круговороту воды, к естественному и потому безопасному для людей движению жизни стремительно исчезало.

Земля оказалась так же беззащитна, как сам хлебопашец. Мы самоуверенно решили выйти из-под природной зависимости, твердо задумали где только можно заменить естественное искусственным... Снобизм по отношению к природе то и делс подкреплялся лихорадочными успехами технического прогресса: энерговооруженностью, концентрацией, химизацией и т. д. Но в году по-прежнему оставалось триста шестьдесят пять дней, и солнце по-прежнему не могло (не имело права?) светить больше чем положено. Можно ли сократить цикл образования белка, ускорить природный круговорот? Наверное, можно, но тогда это будет уже не тот белок... Говорят, что кто-то когда-то за изобретение искусствен-

ной икры получил Государственную премию. Вот и пусть бы он ее ел, эту свою икру. На здоровье. Но зачем же других-то потчевать?

Если годсвой цикл крестьянских работ, соответствующий солнечному круговороту, сократить не удалось никому, то технологию этих работ сокращали. В пев вмешивались все, кому только не лень. Выработался кампанейский авральный стиль. К примеру, в двадцать восьмом году вдруг все газеты дружно начали учить крестьянство силосованию кормов. С началом коллективизации совпала и кампания по поднятию целины, так живописно показанная Шолоховым. Сколько было подобных кампаний! У читателя среднего возраста, вероятно, еще свежи воспоминания о кукурузном периоде, о кроликах и торфоперегнойных горшочках, о травопольщиках и т. д. Все эти авралы могли бы остаться всего лишь темой для авторов «Крокодила», если б... если б в продовольственных магазинах Москвы продавалась хотя бы половина из того, чем торгуют в любом самом провинциальном финском магазинчике (очевидец опять же не даст соврать).

Тот, кто командовал колхозами, нередко не понимал в сельском хозяйстве, как говорят, ни уха ни рыла. Например, молоко и навоз, хлеб и навоз в сознании многих преобразователей были понятиями антагонистическими, взаимоисключающими друг друга.

Комсомолец тридцатых годов и ветеран партии С. В. Проничев из Грязовца рассказывал мне анекдотический случай с председателем колхоза, посланным в деревню одновременно с шолоховским матросом Давыдовым. Семен Давыдов хоть пахать выучился. Этот же, увидев в окно навозный бурт, возмутился и назвал навоз грязью и бескультурьем. Уже в те времена открылась борьба за чистоту на фермах, обернувшаяся борьбой с навозом. В централизованном порядке быстренько ликвидировали подстилку. Начали стрвить скотные дворы с деревянными полами, а термин «навозоудаление» до сих пор в полных правах. Но разве зря народ испокон веку называл животные испражнения ночным золотом? Позволю себе напомнить читателям: богатство и состоятельность русского северного (и не только северного) крестьянства измерялись раньше не тем, сколько у него зерна в амбаре или денег в кармане, а тем, сколько навоза в хлеву! (Говорили, кстати, не навоз, а назем.)

По количеству возов навоза, ежегодно вывозимых на поле, судили об экономической мощности крестьянской семьи. Скот держали не только, а подчас и не столько для производства мяса, молока, кожевенного и рогового сырья, сколько *для производства навоза*. Хозяин, у коего по каким-то причинам не было скота, навоз покупал, отработывая дни.

Не буду вспоминать многих пословиц, бытовавших в народе по этому поводу. Земля тщательно уваживалась. Ведь от нее зависела жизнь не только человека, но и всей домашней живности, осуществлялся круговорот органических веществ с помощью солнца и дождевой воды. Человек не мешал естественным циклам, он осторожно к ним принаравливался. И вдруг — навозоудаление... Все встало с ног на голову.

В заграничных поездках я везде стремился если не побывать на фермах, то хотя бы узнать что и как. И повсюду — в ФРГ, Швеции, Англии, Югославии, Венгрии, Финляндии, Франции — навоз не удаляют, а копят и берегут. Одни мы внедряем навозоудаление и травим навозом реки. Такова безнавозная технология производства молока, основанная на бесподстилочном содержании животных, диктуемом в свою очередь конструкциями гигантских коровников, так называемых комплексов. Кто их придумал, эти комплексы? Кто рекомендовал правительству? Ищи теперь, свищи. Как сказал поэт, одних уж нет, а те далече...

В двадцать девятом году в моей деревне Тимонихе имелось: домов — 23, гумен — 14, амбаров — 12, бань — 16, сенных сараев в лесу и в полях около 20. Но уже со времени Великой Отечественной войны осталось всего 12 домов. Сейчас — 7, да и то в двух из них живут только летом. 5 жилых домов, а в них пенсионеры. Трудоспособный, как у нас говорят, всего один человек, детей совсем нет. 5 домов и 5 бань. Ни гумен, ни амбаров, ни сеновалов — все сожжено или сгнило.

Судьба Тимонихи типична для многих тысяч русских деревень, для всего Нечерноземья. За последние пятилетки в одной нашей области более семи тысяч деревень исчезло. Там, где со времени Данила Заточника звучали песни и бегали ребяташки, дымились трубы и мычали коровы, теперь одна трава и кусты. Некоторые люди, даже в партийной среде, считают, что так и должно быть, что это прогрессивное явление.

Давайте, однако же, разберемся, что такое подобный прогресс. Из 332 тысяч вологжан, ушедших на фронт, чуть не половина (147 тысяч) осталась лежать в чужой земле. Пусть будет им пухом эта чужая земля. Посмотрим на их родную, оставшуюся. Я не знаю, сколько погибло всего в нашем Харовском районе, знаю, что с войны в мою деревню не вернулось ни одного. В соседнюю Вахруниху тоже ни один не вернулся. Я спрашивал в областном военкомате, сколько в настоящее время осталось в живых из тех, которые уцелели на фронте. Ссылаясь на миграцию, мне ответили, что эта цифра неизвестна, но мне кажется: она очень невелика, большинство фронтовиков умерли от ран и болезней.

Читатель, конечно, понимает, что от тех, кто лежит в могилах, дети не рождаются. Что же, может быть, сейчас, когда прошло сорок два года после великой опустошительной войны, наше Нечерноземье, как окрестили половину России, стало наконец и многолюдным и многодетным? Нет, это не так. В доказательство предлагаю всего одну цитату из статьи, опубликованной в «Литературной газете»: «За девять лет между переписями 1970 и 1979 годов сельское население Костромской области уменьшилось на 28 процентов, Орловской — на 30, а Таджикистана — увеличилось на 36 процентов.

Может быть, это компенсируется ростом городского населения? Нет, не компенсируется. В той же статье сообщается, что в России в двенадцатой пятилетке на 100 человек рабочих, выходящих на пенсию, молодых придет только 85. В Узбекистане же взамен этих 100 придет 302, а в Таджикистане и того больше. И вот в таких условиях, сидя в Москве, ученые-демографы дают безапелляционные рекомендации нашим планирующим органам, придумывают термин «бесперспективный населенный пункт»! Лукавство этого термина не сразу и разглядишь.

Столичные экономисты, плановики и демографы, объявив неперспективными тысячи русских, украинских, белорусских, литовских, мордовских и других селений, первое время демагогически ссылались на то, что, мол, нынешний крестьянин давно не тот, что был прежде. Он, мол, не станет пахать без теплого нужника. Нет, я совсем не за то, чтобы у меня на родине, в Азле, или в Шапше, или в Пустораменье, не строить отдельных домов с канализацией и паровым отоплением. Наоборот,

я подниму за это руки и ноги. Я даже скажу, что строили в деревне слишком мало. И говорили об этом слишком робко, а вот объявить неперспективными тысячи деревень у многих почему-то хватило и смелости и находчивости.

Но позвольте, что значит бесперспективная деревня? Стояла на земле полтысячи лет — и вдруг на тебе! Долой ее, под бульдозер. Что, разве там земли нет? Или воды? Я скажу читателю на ушко: все там есть. И земля, и вода, и люди, и дома. Не было власти, чтобы за нее заступиться.

«Надо прямо сказать, что кое-кому даже из местного районного начальства выгодна эта бесперспективность. Ведь что получается? Под ширмой «бесперспективности» бюрократу-руководителю полная воля. Ему легче жить, у него меньше забот, можно даже и в сенокос являться в контору не раньше восьми. Можно руководить по телефону, не надо заботиться и думать о десятках дальних деревень. Построил два-три комплекса, сселил всех в одно место — и живи себе, в ус не дуй. Именно об этом мечтает руководящий сторонник сселения. И что самое страшное — вскоре он же и оказывается прав, бесперспективные деревни действительно после этого появляются. Но, товарищи, дайте мне на два часа кресло Новомира Николаевича¹ — и я за два часа сделаю бесперспективными не только всю Катрому и Азлу с Межурками, но и Сорожино с Пустораменьем. Как? Очень просто.

Первое: надо сказать председателям колхозов, секретарям парткомов и председателям сельсоветов, что районные внутриколхозные дороги — это ерунда, их пока можно не строить.

Второе: позвонить заведующему роно и сказать, что все дети района должны учиться в двух-трех интернатах, школы в колхозах строить больше не будем.

Третье: сказать главврачу районной больницы, чтобы он прикрыл с десятков сельских медпунктов, нечего гонять старух на уколы за 6 — 8 километров.

Четвертое: дать указание в отдел культуры, чтобы закрыли с десятков сельских клубов.

Пятое, и самое главное: надо связаться с райпотребсоюзом и порекомендовать укрупнить 5 — 6 сельпо, как

---

¹ Предрайсполкома.

это сделали с Шапшей, Азлой и Кумзером. Заодно необходимо закрыть мелкие пекарни, ликвидировать сельские лавки и магазины, которые не справляются с финансовым планом. Ну, и вдобавок я сократил бы в районе почтовых работников и сэкономил бы на автобусных рейсах.

Все. Через неделю половина Харовского района окажется бесперспективной»¹.

Странным образом термин «бесперспективность» быстро приобрел равноправие среди прочих, и ему как бы даже обрадовался сельскохозяйственный чиновник. Ликвидация деревень, подобно укрупнению колхозов в хрущевские времена, оказалась сродни раскулачиванию тридцатых годов. Да-да, по многим статьям это были сходные явления! Под прикрытием концентрации производства сколько крестьянских дворов перестало существовать! Были заброшены луга и пастбища, пашня тоже зарастала дикой травой и кустарником. Совмин РСФСР то и дело то у одной области, то у другой оптом списывал такие земли. Но что значило списать землю, которую обрабатывали и изобихаживали тысячу лет? Прежде чем списать землю, надо было списать тех, кто на ней трудился. Но списать живых людей трудно, хотя и возможно. И бывшие пахары, само собой, скорехонько превратились в горновых, штукатуров, в крановщиков и сталепрокатчиков. Поначалу они даже не очень обижались, что в Вологде и Череповце трудно купить масло и колбасу, поскольку хорошо знали, как там, в деревнях, достается мясо и молоко. Но вот выросли их сыновья, внуки, правнуки и заговорили совсем по-иному...

Да и впрямь: чем лучше ленинградский станочник череповецкого, а московский шофер ярославского или тульского? Почему вологжанину приходится возить из столицы свое же масло?

Оставим пока в стороне качество вологодского масла, поговорим о количестве. Кое-кто думает: значит, худо работаете, если у самих масла нет в магазинах. Мол, как потопашешь, так и полопашешь. Нет, в этом случае дело не в работе! Вологжане и в оставшихся деревнях работают не хуже и не меньше кубанских казаков или таджикских дехкан. Мы выращиваем достаточно скота и на свинину и на говядину, доим молока также

¹ Цитирую собственное выступление на районной партийной конференции в Харовске.

порядочно. Но все дело в том, что себе мы можем оставлять только то, что производим сверх *плановых поставок* в союзные и республиканские фонды. А план? А план устанавливается сверху, от достигнутого в лучшую пору. Но циклоны с Атлантики идут и крутятся отнюдь не по плану. Они все еще непредсказуемы и центральным ведомствам неподвластны. Один год хлеба и травы вырастут хорошие, другой — не очень, третий — совсем худо. Это в одних чиновничьих головах и бумагах гарантированные удои и гарантированные урожаи. И если уж честно, то сюрпризы погодных условий, их магазинные последствия должны бы делиться поровну хотя бы между вологодскими и московскими агропромовцами.

Итак, из 13—14 тысяч тонн масла, которые ежегодно производятся в области, самим вологжанам остается всего 5—6 тысяч. Билет до Москвы и обратно стоит двадцать рублей. Пенсия моей матери сорок рублей в месяц. Поедут ли такие пенсионеры в Москву за продуктами? Работающим у станков и на стройках разъезжать вообще некогда. Значит, сыр и московскую отдельную колбасу покупают одни командированные вроде меня, то есть привилегированные, остальные довольствуются тем, что бог послал. Ни сыра, ни творога, ни сосисок в Вологде не купить.

Существуют так называемые научно обоснованные нормы питания. Они тоже устанавливаются неизвестно где и неизвестно кем. Я, конечно, благодарен московской науке за то, что она установила мне точную цифру — 80 килограммов мяса в год. (Интересно, сколько съедает в месяц собака моего знакомого доцента, причастного к выяснению научно обоснованных норм?) Но, во-первых, 80 килограммов в год — норма явно заниженная. Во-вторых, вологжане потребляют всего 56 килограммов мяса в год на душу. В-третьих, рыба и фрукты в Вологде тоже не ахти какие. Те, кто командует фондами, видимо, устыдясь этой цифры (56), начали с нами спорить и установили цифру 68. Откуда у них взялись 12 килограммов дополнительно? Очень просто, двенадцатикилограммовая добавка образовалась якобы из тех покупок, что вологжане везут из Москвы и Ленинграда. На компьютере все можно высчитать (хотя очень все это сомнительно: 12 килограммов на душу в год вологжанам из Москвы при всем желании не вывезти).

«Такие вот пироги», — всегда говорит вологодский

агропромовец, с которым частенько вместе возвращаемся из столичных командировок. Ездим уже лет двадцать. И в наших толстых портфелях отнюдь не одни бумаги. Пока он ездит в Москву «выбивать фонды», в уцелевших деревнях выросли поколения, вообще не желающие иметь дело с животными. Отчуждение крестьянина от земли продолжалось быстрыми темпами. Оно закреплялось сверху государственными мерами, многие из них периодически официально признавались ошибочными. Но сколько раз можно ошибаться?

Термин «крестьянская страна» и нынче подразумевает нечто ущербно-отсталое, в противовес чему говорится о промышленно развитом государстве. Но это противопоставление во многом искусственное.

В конце двадцатых годов Сталину внушали мысль о перенаселенности украинской и русской деревни. Раскулачивание по некоторым причинам переродилось в рассереднячивание, а иной раз и в разбеднячивание. Точнее, эту не лишенную элементов геноцида трагедию можно назвать раскрестьяниванием.

Раскулачивание, начавшееся в январе 1930 года по типу расказачивания, проведенного троцкистами на Дону, продолжалось вплоть до 1937 и даже до 1941 года, о чем скромно умалчивают наши уважаемые историки.

Великая Отечественная война (разумеется, на свой лад) углубила процесс раскрестьянивания, одновременно троцкистские методы руководства сельским хозяйством жили и здравствовали. Продолжались они не только во время войны, но и после войны.

Эти высказывания не безответственны. Я могу подтвердить их документами, а также свидетельством живущих ныне очевидцев. В мои неполные пятнадцать лет, когда мои попытки поступить на учебу провалились, меня вдруг поставили счетоводом нашего колхоза «4-я пятилетка». (Счетовсд в колхозе в то время был вторым руководящим лицом после председателя.) Итак, я счетовод, но счетовод беспаспортный. Мне же хотелось продолжить образование и стать полноправным, то есть небеспаспортным. Не только послевоенный голод и жесточайшая нужда, но больше всего эти два обстоятельства заставили меня покинуть родную деревню. (Городская нужда в первые послевоенные годы была не меньше деревенской.) Миллионы моих сверстников уехали в города и лесные поселки как раз из-за ощущения своей

второсортности. Быть крестьянином считалось позорным вообще, а колхозником, в частности, — бесперспективным.

1949 год, я составляю годовой колхозный отчет. Всю войну колхоз выращивал и сдавал государству сотни пудов зерна. Все, до последнего зернышка, увозилось! На трудодень начисляли по три-четыре копейки и по 100 — 120 — 230 граммов зерна. Не зерна, а третьего сорта, то есть костера, отходов от веялки. Что оставалось делать колхозникам? Ясно что. Или уезжать или идти воровать. Так и поступали, смотря по тому, кто на что способен. Уехавшие не возвращались. Воров сажали в тюрьму, и рассказывание, то бишь раскрестьянивание, шло полным ходом.

Интересен один факт, о коем я уже упомянул выше. То, что произошло на рубеже двадцатых — тридцатых годов с индивидуальными крестьянскими хозяйствами, грубо говоря, повторилось в пятидесятых, но уже с самими колхозами. Тогдашнее укрупнение северных колхозов можно назвать «коллективизацией» колхозов.

Я хорошо помню, как из десятков сельскохозяйственных артелей, сложившихся исторически и ландшафтно, выстоявших даже во время войны, сделали в наших местах один, всего один колхоз! Из конца в конец протяженность его была около пятидесяти километров. Что тогда началось — долго рассказывать. Вскоре пришла директива разъединяться. Но укрупнение успело развалить бывшие жизнеспособные колхозы, не укрепив маломощных. Когда стряслось это гигантское укрупнение, народ в наших местах правдами и неправдами начал бросать обжитые родные места.

От того укрупнения оставалось два шага до так называемой бесперспективности. Объявление тысяч деревень неперспективными смахивало на *преднамеренное, обдуманное преступление* перед страной. Кто дал ход, кто подписал рекомендации о бесперспективности?

Бюрократ — это чиновник с расплывчатыми обязанностями. Он оправдывает свое безделье мифической общественной необходимостью. Он сам для себя придумывает работу. Но самый распространенный вид бюрократа составляют люди, искренне считающие себя необходимыми и полезными. Чиновник, осознавший свою никчемность, бесполезность для общества и все так же спокойно получающий зарплату, становится циником. Иногда он начинает изобретать новые способы самоза-

щиты, незаурядный его интеллект работает уже не на общество, а на личность. Такого не так просто вышибить из седла. Вернее, из канцелярского кресла.

Бюрократ испытывает жажду иметь заместителя, но заместитель-то тоже ведь не прочь иметь заместителя. Заместителю необходим свой заместитель, на худой конец помощник, а помощнику тоже нужна секретарша.

Чтобы отыскать в этой системе ответственного виновного, нужно перебрать всех, надо подняться или опуститься по всей иерархической лестнице. Но каждый или ссылается на верхнего, или отсылает к нижнему. Концов не найдешь!

Бюрократическая организация — это коллективная безответственность, она гарантирует защиту каждому ее члену. словно грибница в болотной почве, не видимая обычным глазом, она самостоятельна и независима. Возможен ли в этой системе честный чиновник? Конечно! Но он быстро перерождается. Иначе система выталкивает его из своей среды как инородное тело.

Ясно любому, что анархия равносильна гибели государства. Государство не может существовать совсем без чиновников. Вопрос в том, сколько их должно быть в такой стране, как наша. Восемь миллионов или восемнадцать? А может, и восемнадцать мало? Или вполне обойдемся двумя-тремя миллионами? Тут-то опять и обнаруживается жесткая и всегдашняя взаимосвязь качества и количества. Выбранный народом умный, способный к самопожертвованию чиновник не станет искать себе зама, чтобы разделить тяжесть ответственности. Чем больше чиновников, тем они безответственнее себя ведут, чем меньше, тем легче их контролировать сверху и снизу.

Формальное, чиновничье-бюрократическое отношение к миру из канцелярии и кабинетов распространялось и на сферу физического труда, непосредственно к станкам, тракторам и доильным аппаратам. Вот несколько примеров. Шофер сидит в кабине, скучает и ждет, когда грузчики сделают свое дело. Он не обязан грузить, ему платят по путевому листу. Доярки, придя на ферму, отказываются доить, поскольку ночной сторож, иначе скотник, пьяный проспал и не отгреб в лотки жидкую фракцию. Приемщик молока, он же завфермой, он же ответственный за транспортер, уже не берет в руки накидной ключ, чтобы устранить течь в трубе. Он звонит в райцентр. И

вот за шестьдесят километров из-за плевой неисправности шпарит в колхоз ремонтная летучка, поскольку ферма поставлена на централизованное техническое обслуживание.

Нет, при такой централизации, регламентации, организации у нас никогда не будет безработицы! Вспоминаю одну свою поездку во Францию. В Париже, в министерстве культуры, за пять минут решили все организационно-туристические формальности. Сструдница, которая нас опекала, совмещала в одном лице сразу три должности: гида, переводчика и... шофера. Возможно ли такое сочетание у нас в Москве? Не знаю, может, и будет возможно, когда перестроимся.

Особенно опасна бюрократическая обезличка в сельском хозяйстве, когда земле-матушке служат не родные сыны, а пасынки. Один вспашет кое-как, другой посеет шалей-валяй. Третий заборонит, может быть, и добросовестно. Четвертый опять кой-как раскидает химию. Пятый... Пятому достанется жать. Но что выросло? Шестой подсчитывает, подбивает бабки. Седьмой деньги платит всем, в том числе и самому себе. А земля-то одна! И кто только ее, бедную, не корежит, не мнет, не давит, кто только не травит ее, не полощет, не сверлит в ней дыры, не паскудит свалками.

Как-то я возвращался в деревню, ехал по лесной узкоколейке. Машинист вдруг затормозил. На наших глазах на полстно выскочила молодая лисица, она начала судорожно крутиться на одном месте. Что-то ее корежило, мучило страшно. Наконец она свернулась в клубок и затихла. Мы сошли. Лисица была мертва. «Съела отравленного зайца», — сказал моторист. Спрашиваю: «А чем заяц отравлен?» Моторист кивнул на небо и уехал, а я пошел через лес. До деревни оставалось километров семь. Шел, вспоминал, как шли мы однажды по этому же маршруту с Шукшиным и говорили громко и обо всем (никто не мог нас услышать, кроме медведя или лося). Нынче я ступал по лесу один... Не дойдя до псля примерно с километр, я услышал гул самолета, и мне стало страшно. Он пролетел низко над лесом, потом исчез. В деревне мне сказали, что в лес ходить нельзя, что вся морошка, черника и клюква отравлены... Через месяц, вернувшись в Вологду, пошел я в наш объединенный авиастряд. Спрашиваю: «Чем это вы лес опрыскиваете?» — «Бутиловым эфиром». — «Но это же яд!» — «Ну

и что? У нас договор с лесхозом на химразработку.

Авиаторы травили все живое и неживое несколько лет. Люди жаловались, писали куда-то. Включилась местная печать — самолеты продолжали летать и опрыскивать! Был такой случай: заготовленные бочки с ядом оказались простреленными. Кто-то их расстрелял, чтобы выпустить ядовитую жидкость.

Наконец облисполком принял решение — запретить химобработку. И что же вы думаете? Минлесхоз республики пишет гневное письмо в Вологду и требует возобновить! Метод, дескать, научно разработан, рекомендован и проверен!

Ведомственная демагогия и вседозволенность всегда опираются на «научные» разработки. Только после этого включается оперативный механизм, основанный, в свою очередь, на отчуждении и централизации. Местные органы Советской власти прямо-таки заморожены такими терминами, как «головной», «центральный» и т. д. Все зацентрализовано, следовательно, отчуждено.

Существует ли предел подобной централизации? Нет. Во всяком случае, ее «неиспользованные резервы» явили бы миру новые, доселе невиданные явления, если бы не подоспевшие времена перестройки. Впрочем, рано радоваться. Многие годы сверху, централизованно насаждаются и распространяются по стране не только «передовая» технология, но и «передовая» культура — низкопробная музыка и читабельная газетная информация, рекомендации для проведения клубных вечеров (два притопа, три прихлопа) — все это и еще многое соответствующие центральные ведомства навязывают областным, тем — районным, а уж район двигает подобный прогресс непосредственно в народ. Ведь до чего дошло дело! Вологда заказывает в Ленинграде не только проект собственной застройки, но и просит художественного оформления, причем платит ленинградским халтурщикам большие деньги. Может, в Вологде нет своих оформителей? Есть. Все есть. И художники и скульпторы. Но уж так повелось, что нет пророка в своем отечестве. Да и куда деть эту прорву ленинградских оформителей и проектировщиков? Им же кормиться надо... И вот в центре Вологды (на площади Революции) водружается дорогостоящий шедевр безвкусицы, прозванный вологжанами зубом мудрости (памятник действительно очень похож на зуб). Шире — дале. В Октябрьском скверике неожидан-

но для горожан появились бетонные лягушки, затем два крокодила. Откуда в Вологде земноводные и рептилии? Все оттуда же. Распространяются централизованно. Оказывается, в Москве существует целый скульптурный комбинат, где провинциальный градсначальник может выбрать для своего города любую скульптуру. Наш выбрал крокодилов и Карабаса Барабаса с компанией. Дороговато, зато сделано крепко и напоминает противотанковые надолбы.

Централизованное снабжение бетонными крокодилами напомнило мне некоторые явления нашей литературы. Вот критик Бенедикт Сарнов пишет: «Дико слышать из уст русского писателя, что его не взволновали...» Далее перечисляются десятка два авторов и публикаций восемьдесят седьмого года. Что же делать? Есть пословица: кому нравится поп, кому попадья, а кому и попова дочка. «Котлован» и «Ссбачье сердце» я читал в рукописях лет эдак двадцать назад. А «Дети Арбата» и впрямь почему-то не взволновали. Сие от меня не зависит. Вполне допускаю, что кому-то не нравятся и мои книги. Не стоит читать зевая, лучше закрыть, отложить. Я не вижу в том особой обиды.

Аббревиатуры с началом на «Ц» у нас в большой моде. Дом литератора не какой-нибудь, а Центральный, есть ЦДРИ, ЦДКЖ и прочие дома. А центральных союзов просто не счесть. И все эти центровики пишут директивы, указания, инструкции, рассылают рекомендации на места. Я не говорю, что все эти рекомендации дурные, но ведь не все и хорошие! И если Вологодский облисполком выдержал мощный нажим Минлесхоза, то нажим Минводхоза он выдержать не смог. Товарищи Полад-заде и Алексанкин оказались провсрней и разворотливей всех вологжан, вместе взятых. Сопротивление Вологды пресловутому перебросу было спокойно ими нейтрализовано.

Бюрократ закрывает глаза на будущее, он не желает думать и отвечать за последствия своих глобальных свершений. Когда его прижмут, он перекладывает ответственность на другого, смежного бюрократа. Вся беда в том, что он сам себя контролирует, он свободен в своих действиях. Он всегда находит возможность вывернуться... Вот, к примеру, поставлена задача обеспечить к

определенному году квартирами каждую семью. Но ведь эту задачу можно решить двумя способами: строительством жилья или... сокращением числа женитьб. Второй способ легче, проще, надежней!

К числу многих сельскохозяйственных авральных кампаний, как я уже говорил, относится и так называемая *концентрация*¹. Сия концентрация и обернулась этой самой *неперспективностью*. Навязанная сверху, из госплановских кабинетов, она была родной и любимой дочерью гигантомании (кто был папаша, судить трудно). Госстрой в срочном порядке утвердил диковинные и дорогостоящие проекты животноводческих комплексов. Я повторяю, что за все годы, которые я помню (начиная с 1935-го), в Тимонихе не построено ни одного дома. Зато было возведено три скотных двора, две обширных конюшни и два телятника. Это не считая водогреек и других подсобных помещений.

Такая практика (правда ведь интересная?) продолжается и сейчас: мы вначале строим животноводческий комплекс, то есть жилье для животных, а уж потом начинаем задумываться о жилье для людей. (Точь-в-точь как с дорогами: сперва объект, потом дорогу к нему. Но какво строить без дороги? Вся лесная промышленность десятилетиями работала «от нуля», именно по такому принципу.)

Но что же такое животноводческий комплекс? Бюрократу, мечтающему о безнавозной корове, казалось, что вот построит он молочную ферму на 600 голов, механизует доение, подачу кормов, навозоудаление — и все у него пойдет как по маслу. И начали строить. Усиленная производственная концентрация, специализация, урбанизация — подходил любое название, — конечно же, влетели государству в копеечку.

5 декабря 1986 года Госагропром РСФСР утвердил такие вот нормативы по строительству скотных дворов: стоимость одного скотопомещения — 2 799 рублей, в том числе:

- 1) строительно-монтажные работы — 2 271 рубль,
- 2) оборудование — 189 рублей.

Стоимость скотспомещения для откорма телят соответственно 1 181, 985 и 74 рубля.

---

¹ Об этом явлении можно говорить и относительно всей страны: целые регионы оказались неперспективными. Автор ограничивается малой концентрацией, касающейся сельской местности.

Впору было руками всплеснуть: неужто построить скотный двор меньше 3 тысяч, а телятник — тысячу с небольшим? Увы, есть здесь небольшая словесная хитрость. В агропромовских бумагах скотопомещением названо одно скотоместо. Леонид Иванов (Октябрь. 1984. № 2) пишет о стоимости одного коровьего стойла в 3330 рублей и добавляет, что есть и по четыре тысячи. Вздохнуть поглубже только и остается...

Люди, сроду в глаза не видевшие живую корову, придумывают способы доения, подачи кормов и опять же навозоудаления. Газеты пишут: «На ферме завтрашнего дня предусмотрена стойлововыгульная беспривязная система содержания коров. Принцип обслуживания — индивидуальный (раздача кормов индивидуально-групповая), метод содержания — *бесподстилочный* (курсив мой.— В. Б.), способ обслуживания — самообслуживание на автоматизированных постах. Раздача фуража координатными кормораздатчиками прямо из хранилищ в кормоцеха по групповому методу. Для раздачи концентратов в каждой секции оборудованы автоматические станции кормления по специальной программе и командам, поступающим от ЭВМ. На линии доения — установка УДА-8 с автоматическими манипуляторами, снабженная санитарной станцией на входе. Сигнал о животном поступает на ЭВМ фермы. Проект линии доения в перспективе предусматривает применение доильного робота. Для обеспечения очистки воздуха на втором этаже фермы предусмотрена гидропонная теплица. Специалисты ленинградской фирмы «Лето» рекомендовали высаживать здесь розы как растения, более активно потребляющие углекислый газ. Кроме того, розы являются дополнительным источником дохода. Оператор машинного доения выполняет и работу цветовода. По расчетам ученых, затраты труда на производство одного центнера молока на ферме-автомате составят 0,6 человеко-часа, а на ферме с поголовьем 400 коров — всего 0,4». И так далее в том же духе (я привел всего одну выдержку из вологодской газеты «Красный Север»). Гигантские и дорогостоящие дворцы для коров внедрялись сверху под благовидным предлогом: высвободятся рабочие руки и улучшится культура труда.

К сожалению, во многих местах не произошло ни того, ни другого. Заменить слово «дойарка» на «оператора машинного доения» намного легче, чем придумать без-

навозную технологию. Кадровый дефицит не исчезает при ликвидации тысяч деревень и недорогих, не громоздких (на 60—80 голов) ферм. Нет, не исчезает! Продуктивность не увеличивается при удалении от пастбищ, себестоимость кормов не уменьшается тоже. Я уже говорил, что, бывая в зарубежных поездках, я каждый раз стремился узнать: как же обстоит дело у капиталистов? Ферму, где содержится более 40 коров, они считают экономически невыгодной. И везде — подстилка! Везде навозонакопление, а не навозоудаление! Там же, где нет подстилки, жидкая фракция тут же, немедля, компостируется, ее берегут как зеницу ока. У нас жидкую фракцию выпускают самотеком за пределы коровника, выбрасывают с помощью транспортера, смывают водяной струей из шланга. Только бы от нее избавиться! Можно ли уберечь драгоценные органические вещества на комплексе в 600 или 1000 голов? Жидкая фракция сохнет на солнышке, выветривается, размывается дождем, но больше всего стекает в реки, откуда берут питьевую воду. Разбавленная водой, вместе с изрядным количеством хлора, она попадает, наконец, в суп и в чай тех самых городских проектантов, которые придумывали безнавозные технологии.

Мы и всего-то отказались от подстилки, а каков результат? Результат таков: 1) земля не получила то, что положено ей по праву; 2) вода отравлена, люди начинают болеть; 3) нужны новые срочные капиталовложения на строительство химических гигантов для производства минеральных удобрений, и мы строим вместо домов новые заводы; 4) эти гиганты и эти удобрения в свою очередь травят вокруг себя уже все и вся, добавляя в водопровод новые химические элементы. А Минводхоз с воплями о дефиците воды тут как тут, и вот Гипроводхозу опять работа, опять миллиардные заказы на Ржевское и другие водохранилища.

Так возник порочный круг, и разорвать его, кажется, никому не под силу... А ведь мы не вспомнили при этом буровиков, порчу подземных вод, ливневую канализацию и прочее и прочее.

Что такое порочный круг? У Даля нет ему объяснения, нет и в энциклопедии Брокгауза. В одном из словарей я нашел-таки заметку о порочном круге, но в ней говорилось всего лишь о логической ошибке при доказательстве чего-либо, хотя о таком круге стоило бы рас-

сказать и подробнее. В древности это явление символизировала змея, заглатывающая собственный хвост. Нынче представление о порочном круге связано у некоторых людей с самоудавливающей петлей (чем активной, мол, сопротивление, тем сильнее она затягивается). Да и зачем нам сейчас философские и научные определения? Примеры из жизни намного нагляднее и доступнее.

Взять хотя бы наркоманию в ее алкогольном варианте. Тут, как на ладони, сразу несколько таких порочных кругов:

1) в медицинско-психологическом смысле: попробовал — понравилось — повторил — привык — впал в зависимость — начал пробовать часто;

2) в смысле физиологическом: интоксикация — выброс катехоламинов — их дефицит в организме — перепроизводство — необходимость новой интоксикации для их расходования (попросту говоря, потребность в опохмелке) — еще большая интоксикация;

3) в экономическом, вернее в торгово-финансовом смысле — почти то же, что и в первом пункте: попробовал — понравилось — повторил — привык — впал в зависимость. Да так впал, что и торговать разучился! Нельзя же называть торговлей поспешную выдачу бутылок с алкогольным наркотиком и не менее поспешное вытряхивание народных карманов. Дензнаки, как выражаются финансисты, оборачивались со скоростью суточного вращения Земли: заводская касса — карманы трудящихся — винный ларек — инкассаторская сумка — и вновь заводская касса! В банковских сейфах деньги почти не задерживались. Мы так наострились жить, так торговать, что дело шло все быстрее и быстрее. Змея заглатывала свой хвост глубже и глубже... Если взять продажу алкогольных напитков в 1940 году за 100 процентов, то в 1980 году эта продажа составила уже 780 процентов!

Примерно так же рождаются и другие порочные круги, связанные с экономикой, с женской занятостью, с опасным обилием незанятых рабочих мест. Например: не хватает рабочих рук — женщины идут к станкам — страдает семья — снижается рождаемость — дефицит рабочих рук усиливается еще больше — возникает необходимость еще большей женской занятости. Это один кружок. Можно проследить, как рождается и другой, связанный

с пьянством и с потолком мужской заработной платы, тут тоже дело оборачивается разводами и низкой рождаемостью. А результат? Да один результат: пустеют деревни, «стареют» города и поселки, стоят станки, копятся незавершенные объекты строительства.

Один такой порочный круг перекрещивается с другим, с третьим, с четвертым, так вот и клепаются незримое звено цепи, сковывающей общественную жизнь и все государство! Пока не разорвана эта цепь, говорить о перестройке явно преждевременно. Но особенно опасна система порочных кругов, возникающая с использованием природных ресурсов: леса, нефти, газа, драгоценной руды и всяческих минералов. Как соблазнительно, например, продать (по-блатному — загнать) сырье и купить готовую продукцию! Куда ни взглянешь — везде тому подтверждение. Вот на моем столе лезвие «Нева», выпущенное объединением «Спутник» в Ленинграде. Еще с десяток лет тому назад это были отличные лезвия, ничуть не уступающие иностранным, можно было бриться без мыла. Нынче «Нева» даже с мыльной пеной дерет шею до крови. Следовательно, приехав в Москву, я спешу на Сиреневый бульвар, чтобы купить шведские либо голландские лезвия. У входа в «Березку» на посетителя роем набрасываются энергичные люди, судя по всему, из южных республик. Эти «подберезовики» хватают за полы, униженно кланчат чеки. Почему наш рубль так дешево ценится, если мы продаем лес, газ, нефть и руду? На этот вопрос нет времени отвечать, я тороплюсь за голландскими лезвиями. Я покупаю лезвия и фломастеры, но мне, владельцу этих самых чеков, почему-то стыдно. До меня никак не доходит и другое: почему наши строители едут строить за границу, когда у себя дома не хватает строителей и число незавершенных объектов не сокращается? Ну, я понимаю, можно продать лицензию, чертежи какого-то там завода, целого предприятия. Но почему же самих-то строителей менять на валюту?

Попробовал — понравилось — привык. Впал в зависимость. Требуется перестройка. Но перестройка в таких случаях не вмещается в предпенсионный период, и многие руководители не желают никаких перестроек. Дожить бы до пенсии, а там пусть другие перестраиваются. После нас хоть потоп.

Раскроем стенограмму XVI партконференции. Многие

хозяйственные и финансовые руководители говорили тогда, в 1929 году, что продажа леса на валюту — мера временная, необходимая для того, чтобы индустриализировать страну. Мол, как только встанем на ноги в промышленном смысле, так сразу и сократим лесной экспорт. И что же? Лесоэкспорт не только не сокращался, а рос из года в год, и сегодня, почти через шестьдесят лет, когда промышленность давно создана, сокращать этот экспорт никто и не собирается. Между тем зона тайги в европейской части страны практически исчезла. Лесотундра соединилась с лесостепью. Сбылись худшие предсказания вихровской лекции из книги Леонида Максимовича Леонова. Чем не порочный круг, если говорить о Госплане и о Министерстве внешней торговли? Примером служит и бюрократическая система контроля, действующая точь-в-точь по Твардовскому: «...чтобы сократить, нужно увеличить». Тот же круг наметился в системе наших межнациональных отношений и т. д.

В какой-то мере и какое-то время можно было объяснить все это издержками тридцатых годов, сталинским культом, но ведь с тридцатых уже прошло столетие. Куда девались, к примеру, те миллиарды, которые затратило государство на сельское хозяйство? Миллиарды по спецназначению? За последние двадцать лет затраты эти составили убогую цифру. Даже теперь, во времена гласности, наши агропромовцы боятся обнародовать эту зловещую цифру.

Размышляя о странностях, происходящих с сельским хозяйством, вспоминаю сюжет одной русской народной сказки. Сталкиваясь с обезличенным, ускользающе-неопределенным злом, сказочный герой нарушает запрет проникновения в тайну и, пользуясь запретным ключом, открывает камору. Ту самую, входить в которую было никому не позволено. Что же он там увидел? А увидел он двух «звирей»: сначала коня, потом льва. Оба-два на цепи. В зубах коня торчит кусок мяса, а из пасти льва клок сена. Постигнув секрет разлада, герой делает очень немного: он всего лишь устраняет нелепость, возвращая сено коню, а мясо льву. «Звири» глотают еду и тотчас, без посторонней помощи, сами освобождаются от цепей. Надо ли добавлять, что они верой и правдой служат сказочному герою?..

При виде студентов, одетых в фирменные куртки стройотрядовцев, я всегда вспоминаю эту сказку. Ведь студент на то и студент, чтобы учиться (студентов в царское время не брали в армию). У нас даже профессора и доценты, вместо того чтобы создавать малую механизацию, сами убирают сено и копают картошку. Еще своеобразнее выглядит целый завод электронной аппаратуры, вынужденный просить у колхоза землю, чтобы выращивать корма, разводить коров и свиней для собственного питания. И создатели новейшей компьютерной техники пользуются на сенокосе примерно теми же орудиями, что были во времена Александра Невского.

Гриппозное состояние чиновничьего ума вызывается вирусом гигантомании, но не только. Механический перенос промышленных способов в сельскохозяйственное производство обычно ничем не заканчивается. Индустриальные методы в сельском хозяйстве чаще всего остаются голубой мечтой. Там же, где эта мечта с грехом пополам все же сбывается, возникают новые неразрешимые проблемы. Кто только не брался раз и навсегда решить продовольственную задачу! Вспомним, как веселый премьер одним махом отменил лесозащитные полосы, виновные только в том, что начинались при угрюмом генсеке. Вытравить травопольщиков оказалось намного проще, чем внедрить кукурузу на землях нынешнего Нечерноземья. Было множество больших и малых промежуточных прожектов, пока научная мысль не сконцентрировалась в Институте по переброске северных и сибирских вод на засушливый юг, пока Министерство мелиорации не заграбастало в свой карман миллиарды народных рублей¹. Речь шла ни много ни мало, как о создании антирек, о глобальном беспрецедентном вмешательстве в тот беззащитный и, в общем-то, довольно хрупкий почвенно-водный распорядок, на создание которого природа затратила миллиарды лет.

Разыскивая нужный мне документ, то и дело натыкаюсь на бумаги, связанные с Министерством мелиорации. Их не меньше, чем «алкогольных». Что делать с ними?

---

¹ Это единственное сельскохозяйственное министерство, не вошедшее почему-то в Агропром. Хотя Агропром командует нынче даже кондитерскими фабриками, министр Н. Ф. Васильев сохранил себе полную автономию. Как тот Колобок: «Я от дедушки ушел, я от бабушки ушел. И от тебя, Агропром, тоже уйду».

Нерусское слово «досье» почему-то так и просится на язык. Хотя оно родственно больше не журналистской, а прокурорской терминологии, я не могу назвать по-другому полпуда разных документов, связанных с поворотом северных и сибирских рек. Начало этому «досье» положила пресс-конференция в Вологодском обкоме лет двадцать тому назад. Интервью давали инженеры Ленгипроразводхоза. Они с гордостью и едва сдерживаемым восторгом докладывали о проекте века. Вологодские журналисты лихорадочно и с не меньшим восторгом записывали... Позднее из технико-экономического обоснования выяснилось, что на первом этапе будет перебрасываться 24,4 кубокилометра, а на втором — 31 кубокилометр северной воды в год. Намечено, мол, только на Сухоне построить пять гидроузлов, и подлежит затоплению около 3 тысяч гектаров сельхозугодий. Объем земляных работ лишь по Сухоне и Северной Двине составит 166 да на Онежском озере и Волго-Балте 159 миллионов кубических метров. По проекту общая площадь потерь сельхозугодий составит 11,1 тысячи гектаров, но эти потери, дескать, с лихвой окупятся южными поливными урожаями и каспийской севрюгой... Еще раньше того, в 1961 году, в журнале «Юный техник» появилась заметка с таким названием: «Печора будет впадать в Каспий!» Смущало не то, что в детективную историю переброса включились две реки, давшие имена знаменитым литературным героям Пушкина и Лермонтова. Смущал неожиданный поворот поворотчиков (и переворотчиков, как говорит В. Г. Распутин) от восточного варианта к западному. Журнал сообщал:

«Работники московского научно-исследовательского института «Гидропроект» разработали проект переброски части стока северных рек Печоры и Вычегды через Каму и Волгу в Каспийское море. Великая русская река и седой Каспий будут ежегодно получать от северных рек около 40 км³ студеной воды...

Печору перегорудит Усть-Войская земляная плотина высотой в 80 м, на реке Вычегде будет сооружен 34-метровый подпорный гидроузел, а на Каме, у города Боровска, построят водосливную плотину высотой 30 м с однокамерным шлюзом. Здесь же будет сооружена ГЭС мощностью в 700 тыс. квт. Кроме того, на водоразделах рек Нибель и Ижмы должны быть возведены заградительные Нибель-Ижемские дамбы длиной около 16 км и

высотой до 11 м — они укрепят пониженные левобережные участки Печорского водохранилища.

Через водоразделы будут прорыты два канала: Печоро-Вычегодский длиной 62 км и Вычегодско-Камский протяженностью 99 км.

Так будет создано Печоро-Вычегодско-Камское водохранилище, самое большое из всех построенных человеком. Для наполнения его потребуется около пяти лет. Каждый год водохранилище сможет аккумулировать 70 кубических километров паводковых вод из стока верховьев Печоры, Вычегды и Камы. Из этого количества 40 км³ оно будет отдавать Волге.

На строительстве предстоит выполнить более 700 млн м³ земляных работ, уложить около 1,3 млн м³ бетона и свести с огромной территории вековой лес.

Далее, для того чтобы «сжинать» лес, предназначенный под затопление, журнал «Юный техник» предлагал спроектировать грандиозный комбайн, способный заменить целый леспромхоз с годовой производительностью 250 — 300 тысяч кубических метров. «Ценно то, что лес можно сводить уже после затопления водохранилища», — сообщали инженеры Ю. Николаев и А. Сафронов.

Республика Коми дала перебросчикам достойный отпор. Тогда они ловко переключились на западный вариант. Не важно, что перебрасывать, лишь бы перебрасывать. Тогда же явился миру призрак грандиозной дамбы для Белого моря.

После упомянутой пресс-конференции материалы, связанные с «проектом века», начали копиться в моем архиве с быстротою невероятной. Теперь этих толстых папок уже не одна и не две. Заглянем? «Время для них еще не пришло», — подсказывает мне мой внутренний голос. «Нет, ты просто трус, — вмешивается какой-то другой голосок. — Ты боишься. Не можешь — не берись...»

Признаюсь честно: боюсь. Не могу и боюсь так долго, так много повторять одно и то же, писать на самый верх, телеграфировать, звонить, наконец, читать правду о перебросчиках! Что толку в том, что они давно разоблачены и пропечатаны? Ведь они уже привыкли к этим разоблачениям. Они читают эти разоблачения, усмеваются и... продолжают спокойно проектировать, тра-

тить народные миллиарды и даже получать государственные ордена.

Бюрократический панцирь непробиваем, журналистские, печатные стрелы просто от него отскакивают, ломаются, как лучинки. Пишите, пишите, мол, а комиссия академика Коптюга вот что говорит, а Госплан в деньгах не отказывает, а перепрофилировать специалистов мы все равно не станем. Истратили 60 миллиардов и еще 40 истратим, а воду все равно заберем. И вообще, что вам от нас надо? Нет, нынешний бюрократ уже не спорит, он соглашается с критикой, он даже признает иногда свою неправоту и ошибки. Но делает все равно по-прежнему и по-своему.

Логика перебросчиков, поддержанных и одобренных покойным академиком Е. К. Федоровым, была проста: дескать, сотни кубокилометров пресной воды, ежегодно стекающих в Ледовитый океан, пропадают зря. Надо использовать их в народном хозяйстве, надо исправить ошибку природы... Не в первый раз вместо того, чтобы признать и исправлять собственные ошибки, наладилась исправлять «ошибки» природы! Помню, на совещании в сельхозотделе ЦК, куда мы были приглашены вместе с Ю. Бондаревым, С. Залыгиным и В. Солоухиным, я спросил академика Федорова: а нельзя ли создать такой проект, чтобы выпрямить ось земного вращения? Тогда не будет ни зимы, ни лета. Останется один сплошной сельскохозяйственный сезон. «А зачем?» — искренне удивился лишенный юмора академик. Пришлось вспоминать тогда и о гитлеровском проекте, предполагавшем вывезти в Германию курский и воронежский чернозем. Ведь если нравственна глобальная переброска воды, почему безнравственна глобальная переброска земли?

Нет, эти доводы и другие, уже опирающиеся на объективные научные данные, на перебросчиков и переворотчиков не подействовали. Они, перебросчики, росли и копились, как грибы после дождя, укреплялись, тратили все новые миллиарды. О «проекте века» трубила многочисленная журналистская рать. Комитет по метеорологии и гидрологии (почему он?) контролировал печатные публикации, останавливая любые высказывания противников «проекта века». Редакциям газет и радио были даны негласные указания не допускать двух мнений об этом проекте. Пока общественность выводила перебросчиков на чистую воду, мелиораторы поспешно тратили

народные денежки. Из двадцати видов мелиорации они облюбовали водную. Кто будет спорить с тем, что такая мелиорация тоже необходима? Да никто. Но ведь все дело в том, сколько денег останется на другие виды мелиорации, например, агротехническую и лесную. Такие виды мелиорации необходимы нашей стране не меньше, а может быть, больше. Но многим тысячам перебросчиков-проектировщиков отнюдь не хотелось оставлять свои кульманы, вернее теплые места, в институтах и руководящие кресла. Затратные способы освоения средств устраивали и мелиоративных строителей. Перепрофилирование до сих пор не входит в планы министра Васильева, хотя однобокая мелиорация не дала ожидаемых скорых перемен в сельском хозяйстве. Явилась даже новая беда — засоление земель. И снова спросим: куда же уплыли миллиарды, отпущенные государством? И долго ли придется нам кланяться заокеанским толстошумам, покупая хлеб и фураж на колымское золото?

Однажды директор Института водных проблем Г. В. Воропаев во всеуслышание назвал Северо-Запад России заброшенным и богом забытым районом. По его мнению, не стоит даже ориентироваться на наше северное земледелие. Это заявление выглядело лживо, беспомощно и демагогично. На моей родине колхоз «Большевик» (Харовский район) в 1984 году собрал более 150 пудов зерна с гектара, по 5,2 центнера льноволокна, по 3,1 центнера льносемян, по 51 центнеру сена и многолетних трав, картофеля по 140 центнеров. Государство только от одного этого колхоза получило 2145 тонн молока. Копию моего письма директору Института водных проблем я храню для будущего вместе с другими бумагами.

«Уважаемый Григорий Васильевич!

Российский Север, который Вы называете краем, богом забытым (доклад на конференции ИВП), еще в XVI веке производил товарный хлеб, поставляя его Скандинавским странам. Ваше утверждение о том, что нынче Северо-Запад вообще утратил традиционную земледельческую культуру, также неверно (многие наши колхозы снимают урожай от 20 до 40 ц с гектара).

Ориентация только на южное, да еще по преимуществу орошаемое земледелие антинаучна и антинародна. Все это и многое другое я мог бы подтвердить документами и высказываниями ученых, которым тов. Израэль, приравняв права Главлита, запрещал публикации.

Упорство, с каким Ваш институт отстаивает ошибочные идеи, достойно иного и лучшего применения.

По-видимому, сохранение среды обитания русского народа, его тысячелетние хозяйственные и культурные ценности мало интересуют энтузиастов так называемого переброта. Я призываю Вас трезво взглянуть на упомянутые проблемы, отмежеваться от научного экстремизма и сохранить для потомков доброе имя ученого...»

Я подписался, поставил дату (15 апреля 1985 года) и отправил. Но товарищ Воропаев не ответил.

Странно, что судьба мелких селений Северо-Запада зависит порой от любого, даже малозначительного ведомства, только не от местных исполкомов.

Институт «Вологдагражданпроект» (со ссылкой на Госстрой РСФСР) разослал как-то по райисполкомам одну директиву. Получили эту бумагу и в нашем райцентре. В приложении к ней Харовскому райисполкому предлагалось сселить 37 деревень. Спрашивается: почему сселять и почему 37, а не 7 и не 137? Директива не дает ответов на такие вопросы. Моя Тимониха в эту директиву не попала, а деревня Семеновская, где жителей больше, почему-то попала. Пошел я в институт, пошел в облисполком. И там и тут столько директив начитался, что голова кругом. Видимо, учитывая бесперспективность термина «бесперспективность», то ли в Госстрое, то ли еще где сделали такую поправку: «В дальнейшем именовать перспективные пункты развиваемыми, неперспективные — сохраняемыми» (решение облисполкома 454 от 17 августа 1983 года). Что в лоб, что по лбу! Ведь ясно, что сохраняемый, но не развиваемый равносильно неперспективному.

Говоря о хлебе насущном, газеты сообщают, что за последние годы миграция из деревни в город уменьшилась на 20 с лишним процентов. По-моему, потому уменьшилась, что уезжать стало уже некому. Обезлюдивание деревень продолжается во многих районах России. По-прежнему под видом концентрации производства ликвидируются фермы и бригады, запускаются пахотные и сенокосные земли. В нашей области из 12 тысяч деревень около 7 тысяч заброшено. В Харовском районе ликвидированы целые сельсоветы, такие, как Дружининский, Низовский, Ильинский, Фроловский, Катромский. До войны в районе засевалось 24,5 тысячи гектаров пашни. Сейчас же только 18 тысяч, несмотря на то, что

Главнечерноземводстрой ежегодно осваивает многие миллионы из тех миллиардов, которые так щедро отпускаются Министерству мелиорации.

Впрочем, вирус гигантомании, время от времени поседающий сельскохозяйственного бюрократа, не щадит никого. Особенно яростно внедряется он в безымянных режиссеров массовых зрелищ. Посещает и некоторых скульпторов, воздвигающих грандиозные по своим размерам монументы. Это они прививают нашим руководителям эстетику глобализма. Многие журналисты стали активными носителями и разносчиками того же вируса. «Самая крупная в Европе», «не имеющая аналогов», «ресторан на тысячу посадочных мест», «грандиозное представление в Лужниках» и т. д. И невдомек иному, что самое большое не значит самое лучшее, а скорее наоборот, по пословицам: мал золотник, да дорог; велика Федора, да дура. Но восторженные репортеры знают, как угодить начальству. Славословие самого-самого — это бальзам на душевные раны руководителя, из года в год не справляющегося с выполнением заданий, например, по строительству очистных сооружений. Коров доят всего по две-три тысячи в год, зато здание обкома выше соборной колокольни. Какое мне дело до художественной цельности архитектурного облика города! Хочу выше и шире! И вот в центре двух-, трехэтажной Вологды, несмотря на протесты общественности, подымается облизполкомовский небоскреб¹. Знай наших: не хуже, чем в Нью-Йорке.

Сказочный сюжет вспоминается мне не только при виде кибернетиков, трудящихся на овощных базах. Разве не достойно изумления то, что люди везут яйца и сметану, и даже капусту, из города в деревню? «Деревенский дом горожанина» — читаем заголовок статьи в солидной газете. Разве не логично после такой статьи говорить и о «квартире колхозника в городе»? Демократия распространяется, по нашему мнению, не только ведь на город, но и на деревню. Или автор «Литгазеты» думает иначе? Но о городской квартире для колхозника он почему-то ни слова не говорит. Между прочим, на-

---

¹ Этот небоскреб выстроили уже после того, как было сооружено обширное здание для Агропрома. Если ты переселяешься в новое, то отдай хоть старое, ну, например, под детскую областную больницу. Но, по слухам, облизполком не собирается никому ничего уступать, заняты будут кабинетами все три обширных здания.

прасно не говорит, так как жизнь все равно берет свое. Почин в этом деле уже сделали многие председатели колхозов и руководители совхозов. Они обосновались как раз по этому принципу. Ночевать к жене ездят в город, а руководить — в деревню. (Не буду приводить многочисленных примеров, хотя и следовало бы.) Что думают колхозники об этих руководителях? Честное слово, это не так уж трудно представить.

И уж если пять-шесть раз в неделю руководителя возят в деревню из города, то почему бы ежедневно не возить и рядового колхозника? Судя по многим строительным организациям, ПМК, Агрохимии, ремонтным и прочим службам, такая мистифицированная обстановка уже начинает складываться.

Ведомственную несогласованность в Центре можно бы легко устранить на местах с помощью областных, районных и местных Советов. Да вот беда, у местных властей власти-то как раз и нет. Все фонды, финансирование, снабжение, распределение, все деньги, кадры, товары, наука, информация — все стремится снизу вверх, все концентрируется в Центре. Если это движение повернуть в обратную сторону, начнется возрождение Тимоники...

Где же все-таки тот нужный мне пакет с документами? Он так бы пригодился сейчас! Писать статью труднее, чем что-либо другое, потому что нужна полная точность. Точность в цифрах, фамилиях и датах. Мне необходим документ. Но для того чтобы найти нужную бумагу, надо перебрать все бумаги подряд. С книжек, что ли, начать? Сердце начинает щемить при виде отложенных для обязательного прочтения книг. Они копились у моего изголовья быстрее, чем я их читал. Под натиском неотложных дел я перекладывал их на журнальный столик. Потом под кровать, а они все копятя... В начале этого года, так же как в начале восьмидесят шестого (и восьмидесят пятого), перевожу их в разряд чтения не-обязательного, откладывая еще дальше...

На этом месте меня настигает сочувствие к руководителям, по своей натуре не склонным к бюрократизму. У них, вероятно, также откладываются серьезнейшие дела и бумаги. В результате вместо общей проблемы большой руководитель решает множество частных, будничных, отличающихся назойливостью и постоянством.

Есть масса способов украсть его время, отвлечь его от государственных, неотложных дел. Разве так уж трудно занять его время делом с виду неотложным, но все же второстепенным, а то и просто ненужным? Например, ежедневным приемом зарубежных гостей...

Ужасны и свойства бумаг! Любую из них можно задержать или подsunуть вне очереди. Бумагу можно перетолковать, наконец отложить до завтра, а потом совсем о ней позабыть, я знаю это по своему опыту. И вот общение большого руководителя с низами начинает действовать по принципу выпрямителя переменного тока: в одну сторону ход есть, в другую нет. То, что думают жалобщики, руководитель знать будет, и причем досконально. А то, что думает сам руководитель, так и останется за семью замками.

Да мало ли и других бюрократических казусов припасаеt бумажное общение! Например, пишется письмо-жалоба, а на поверку выходит донос. И наоборот бывает: человек взывает о помощи, а его называют доносчиком. Можно выпятить одно и сделать вид, что другого не существует. Много всяких способов! Критик А. Бочаров («Вопросы литературы»), косвенно оправдывая снос деревень, твердит о каком-то велении времени, о требовании времени, об исторической необходимости. Да не было этой необходимости запускать пахоту и бросать дома! Сносили деревни, закрывали целые сельсоветы определенные люди (их можно назвать по фамилиям), определенные общественные группы (их тоже можно назвать). Собственные веления они всегда преподносили как веление времени.

Время не та категория, которой можно манипулировать безнаказанно. Время подобно живой природе, оно способно к самоочищению, если не перегружено ложью и тайнами, как вода и земля могут быть перегружены химией и отбросами нашей деятельности. Мы еще не дожили до критической точки, хотя перегруз уже чувствуется. Еще есть возможность освободиться от исторической лжи, заполнить временные провалы в памяти. Пока есть жизнь, будет и правда. (Оставить нераскрытыми тайны мира способна только всеобщая гибель.) Раскроются со временем и фамилии действовавших инкогнито ученых, социологов, плановиков, экономистов, чьи рекомендации ЦК и правительству на протяжении многих лет оправдывали пьяный бюджет, узаконивали

снос деревень и переброс воды, создавали дефицит лезвий, мыла и простынь и т. д. и т. п.

Кстати, как часто в наше время звучит, пишется, произносится слово «дефицит». В старинном справочнике иностранных слов говорится, что «дефицит» происходит от латинского *deficere* — нехватать. Так бы и говорить — недостаток либо нехватка. Но для многих из нас почему-то приятнее называть свои собственные недостатки иностранными терминами. Вроде легче становится. Увы, нехватка, как ее ни называй, все равно остается нехваткой. Например, нехватка доярок. По-современному — дефицит мастеров машинного доения.

И вот дефицит доярок и пастухов мы вздумали устранять с помощью освобожденных рецидивистов и проституток, высланных из больших городов. Казалось бы, с какой стати? Где девчонку споили и развратили, там бы и перевоспитывали. Так нет, ее высылают в те места, где проституции сроду не было. Таких «мастеров» машинного доения много перебывало в моем родном колхозе «Родина». Но ни доярок, ни жен для наших ребят из этих прелестниц почему-то не получается.

Недавно слышу, как матерится бригадир. Нарочно напротив моих окон остановился и шпарит. Спрашиваю: в чем дело? «Да вот коров доить некому! Отпустил дояра на три дня зубы дергать, а его уже неделю нет. Опять сударушку ищет!» Ферма в нашей деревне почти мужская. Работают трое холостяков, но в радиусе семи-восьми километров нет ни одной девчонки, жениться ребятам не на ком. Иногда в Тимонику ездят доить коров студентки из стройотрядов или еще кто-нибудь. Как они доят, не стоит рассказывать. Предполагалось, что строительство современных комплексов устранит кадровую проблему. Не устранило! Дефицит доярок существует и на центральных усадьбах... Более того, в совхозе «Харовский» одно время пустовали дома с канализацией и центральным отоплением. Тут-то в чем дело?

Десятки лет деревня была неравноправна с городом не только экономически, но и духовно. Я сам видел, как заведующие клубами не разрешали молодежи плясать. Клубная девушка отбирала баян или гармонь и включала проигрыватель. Слово «диско» произносится с ощущением умилительного служебного подобострастия. На-

род нынче поделен на зрителей и художественную самодетельность. Но петь и плясать по графику, да еще на возвышении, хочется далеко не каждому¹. Клуб и самодетельность всегда подразумевают немногочисленный актив и многочисленный пассив (зритель, посетитель). Всенародное гулянье исчезло. Бюрократ приложил руку и тут. Вековая народная культура ошельмована. Куда при таких условиях стремится юная девичья душа? Конечно, любыми путями в город, где звучат академические хоры и на стадионе гигантские зрелища. Там, как ей представляется, все намного лучше, возвышеннее, прекрасней. А тут ферма, жидкая фракция, рано вставать. Нет, лучше продавцом, швеей на фабрику, но не дома...

В итоге наши дояры-холостяки пьют от одиночества, коровы стоят недоеными, а в городских магазинах очереди за молоком.

А каково влияние средств массовой информации на народную нравственность? За что ратуют наши кинематографисты, редакторы телевидения, радио, фирма «Мелодия», а также организаторы концертно-эстрадной деятельности и массовых физкультурных и туристических мероприятий? Глобальная эмоционально-«художественная» информация такова, что способна не только ослабить, но и обескровить духовную и физическую потенцию подрастающих поколений. И в городе и в селе. Сексуальная, музыкально-спортивная, эстрадно-цирковая белиберда заполнила эфир. Взгляды и критерии псевдогероев тотчас усваиваются подростком. О чем начинает мечтать хотя бы деревенская девочка? О том, как она станет актрисой, геологом, танцовщицей на льду, циркачкой, в крайнем случае — кулинаром.

Нынче все средства массовой информации кинулись учить отдыхать. Проблема свободного времени вдруг оказалась наиглавнейшей. (У нормального культурного человека не бывает этой проблемы. Наоборот, у него всегда нехватка времени.) Развлекательность — главная особенность нашего, в особенности ленинградского, телевидения. Развлекательность любыми, порой довольно пошлыми средствами. 20 сентября прошлого года, например, Ленинград в телепередаче «Открытая дверь»

¹ Областная молодежная газета сообщает, что в 1984—1985 годах клубные учреждения посетили всего шесть человек из тысячи (0,6 процента). Отчуждение здесь особенно наглядно.

показал студентов на «ярмарке». В лесу, за городом студенты дружно демонстрировали так называемый художественный храп (тот самый храп, который некоторые животные, например, лошади, издают во время случки). В деревне, помнится, имитация этого звука была выражением наивысшего неприличия и цинизма. А тут... Студенты ленинградских вузов создают «хор», и ТВ транслирует его на Москву и весь Северо-Запад.

Радио также довольно часто выпускает в эфир халтуру. Чтобы услышать русскую, грузинскую или эстонскую народную песню, нужно обращаться в редакцию специальным письмом... А театр? Он перестраивается уже несколько лет, но все никак не перестроится. Посмотрим репертуар хотя бы нашего Вологодского тюза. Пьеса «Ящерица» — каменный век. Пьесы «Дикарь», «Домовой», наконец, «Держись, поросята!» (не думайте, что речь идет о сельском хозяйстве), «Буратино в стране дураков» и т. д. В других местах не лучше. И весь этот театральный и концертный репертуар формируется опять же сверху и распространяется централизованно! Тему труда заслонила тема досуга. Шкала нравственных ценностей современного подростка формируется под знаком государственной необходимости развлечений. Для многих юношей и девушек на первом месте стоят спорт, туризм, художественная самодеятельность, путешествия. Труд и семья — в самом конце...

Ну а что же наши философы, искусствоведы, критики? Неужели и они «перестроились» вдогонку за ленинградским храпом? Доктор юридических наук Софья Келина пишет: «Что значит ввести уголовную ответственность, например, за проституцию?.. Подсудна ли безнравственность?.. Мы и предлагаем не вводить уголовную ответственность за проституцию... нельзя вводить уголовную ответственность и за употребление наркотиков... Мы предлагаем отменить статью об ответственности за мужеложество» (Московские новости. 1987. № 34).

До этих ли проблем моим землякам? Рассчитывать на возвращение невест в родную деревню нашим женихам при нынешних обстоятельствах, увы, очень и очень трудно. А без невест женихи наши быстро сопьются, и ферму в Тимонихе придется закрыть. И хотя чужой ку-

сок иной раз просто в горло не лезет, мы опять будем вынуждены есть по утрам импортную булку с импортным маслом...

Самым дорогим гостям на Руси и до сих пор преподносят хлеб-соль. «Хлеб да соль!» — говорили при входе в избу, если семья была за столом. Хлеб и соль всегда были святыми понятиями. Что же случилось с народом, дети которого играют в футбол буханками хлеба? Соль же мы горстями сыплем под ноги. Она разъедает пока одни шины да подошвы наших башмаков, но «все болезни с ног», как когда-то говаривали. Батоны и засохшие булки на городских помойках, тонны несъеденного гарнира... Между тем в богатейших странах Запада редко где можно обнаружить брошенную хлебную корку. Не зря в наших городах так много развелось ворон и галок. Это неуправляемая биомасса плодится в лесах, но питается в городах.

В деревне хлеб тоже не берегут. Однажды в лавке моя деревенская сверстница, с которой вместе учились в первом классе, купила полмешка баранок. «Куда тебе столько, — говорю, — ведь засохнут». — «А теленку! Размочу, дак и съест».

Бабушки из соседней деревни берут рис, но не для себя, а для кур. Печеный хлеб, привезенный за шестьдесят километров, из райцентра, несут из лавки мешками. Зимой — на санках. Берут по пятнадцать — двадцать буханок, скармливая овцам и коровам. И это при том, что ежегодно на больших площадях не скашивается трава! Луга и лесные покосы год за годом не скашиваются, зарастают лозой. Мои соседи недоумевают: в чем дело? Корова опять скинула. В другом дворе корова осталась яловая, пришлось сдать на мясо. И невдомек иной хозяйке, что корова-то не свинья, ее надо кормить не хлебом, а соломой и сеном.

Весной кило сена иной раз дороже, чем кило печеного хлеба. Подождем обвинять старух и пенсионеров, скармливающих скотине печеный хлеб, если не разрешают косить траву. Чтобы прокормить одну только корову, необходимо накопить минимум 40 стогов. Вручную, поскольку промышленности, старательно выпускающей туристические, охотничьи и ВИА-принадлежности, до сих пор нет времени заняться малой сельскохозяйственной механизацией. Владимирский навесной трактор продается в основном за границу. Чешские и гэдээров-

ские косилки дороги и малодоступны. Приходится косить так же, как косили во времена Данила Заточника. Сможет ли накосить 40 стогов инвалид или пенсионер, пусть даже с помощью городских зятьев? «Сможет!» — веско заявляют в конторе. поголовье личных коров в области сокращается ежегодно на две тысячи, коровы для нынешнего чиновника по-прежнему делятся на общественных и личных. Количество коров сокращается, количество руководителей увеличивается...

Когда-то на моей родине на территории нынешнего Азлецкого сельсовета проживало более трех тысяч людей, а командовало ими всего трое: урядник, писарь да волостной старшина Кузьма Иванович. Нынче на этой же территории проживает и всего-то около 200 человек. А начальства... Считать — не пересчитать. Трактористы у нас с юмором: «Кресла в конторе все заняты, так садятся на подоконники. Сидят и катышками кидаются. Из чего катышки? А из конфетных бумажек».

Но еще гуще всяких контор с креслами в райцентре. Пересчитать их в точности можно по списку организаций, который печатает районная газета, когда закрепляют шефов на сенокос. Однажды я насчитал больше 30 всевозможных контор. Куда такая прорва начальства? Вспомним, что каждая такая контора имеет свое многочисленное начальство в областном центре. Выйдите в центр Вологды осенним вечером — вас поразят мрачность и безмолвие окружающих зданий. Окна темны, потому что вокруг сплошь конторы. Целые кварталы контор, и почти все сгрудились в центре. Достаточно их и на городской периферии, но там жилья все же больше и жизнь течет веселее. У всех этих организаций имеются свои центральные и республиканские органы, главки, министерства. Сколько народу кормится в этих ведомствах?

И вот, считайте меня хоть демагогом, хоть ретроградом, но я не могу при этом не вспомнить тысячи ферм с кадровым дефицитом и тысячи сельских парней, коим грозит вечная холостяцкая жизнь. Пропаганда чисто городских, зачастую весьма сомнительных ценностей и молох централизации особенно сильно влекут молодых женщин. За ними следом и все остальное. Из бригады стремятся переехать на центральную усадьбу, с центральной — куда-нибудь в райцентр, а еще лучше в областной центр, отсюда — не прочь в Ленинград и в

Москву. Движения в обратную сторону нет и в ближайшие времена, видимо, не будет.

Существует и основной закон бюрократии: ни один служащий не стремится вниз по служебной лестнице, каждому охота ступить еще на ступеньку повыше. Удивительно живуча и плодовита эта вертикально-централизованная административно-бюрократическая система, способная к самовоспроизводству и самообеспечению! Одна моя знакомая работала экономистом в Вологде. Она рассказывала, как однажды прикрыли в Москве их главк. Прикрыть-то прикрыли, но сразу же почти рядом открыли новое учреждение, и большинство служащих немедля перекочевали туда. Сократить этот контингент невозможно, никто из них не хочет ни на завод, ни тем более в колхоз. Конторы имеют способность к размножению, они плодятся. Они делятся, словно нерестающиеся медузы. Они живучи и, однажды возникнув, уже не могут исчезнуть, но перевоплощаются, переформируются, принимают новые названия.

Да, работать в полях и на фермах желающих меньше, чем в кабинетах. Дефициты возникают один за другим. Если доярочный дефицит можно (и нужно!) устранить за счет мужского пола, то как, за счет кого избавляться от дефицита невест?

Странная и очень загадочная это вещь — дефицит.

Захожу как-то в знаменитую булочную-кондитерскую, что около Театра имени Ермоловой.

— Овсяное печенье есть?

— Нет.

— Почему?

Продавщица глядит на меня, как на жалкого дилетанта, но я не унимаюсь и спрашиваю:

— Вы считаете, что овес — дефицит?

— Конечно. Это же не пшеница.

Я вспомнил обширнейшие поля с прекрасным овсом у себя на родине. Комбайнеры молотят его по 30 — 40 центнеров с гектара. Уж чего другого, а овса-то в стране достаточно. А столичная продавщица убеждена, что овса в колхозах нет, потому и печенья овсяного нет. Дефицит на геркулес, то бишь на свсяную кашу, и совсем непонятен. Знают ли работники торговли и пищевой промышленности, что когда-то на Руси бытовало более двух десятков овсяных блюд, что такую еду давали ро-

женицам и больным, что от овсяного настоя быстрее заживляются раны?

Достаточно одну бумажку положить под сукно, задержать на один день или по ошибке отправить не по тому адресу — и вся наша грандиозная страна останется без овсяной каши. Не на день-два, на целую пятилетку.

Оставим в покое овсяную кашу, возьмем нехватку металла. Одна 5-я домна в Череповце льет столько чугуна, что трудно даже вообразить. Отчего же в стране всю дорогу нехватка металла? Ответить обязаны ученые. Может, у нас нехватка ученых? Нет. Их в стране 1400 тысяч. Почти половина мирового состава. При таких условиях говорить о дефиците научных кадров — значит совсем потерять совесть. Итак, одна наша вологодская «северянка» пожирает ежедневно более 200 вагонов руды и угля, день и ночь изливаясь огненной рекой чугуна. Казалось бы, с пуском таких гигантов никакого дефицита металла не должно быть. Так почему же он все-таки есть? Долго не мог я понять, в чем тут дело. Доктор экономических наук Михаил Яковлевич Лемешев, эксперт ООН по окружающей среде, объяснил мне эту загвоздку. Допустим, что в стране после разрухи образовалась нехватка гвоздей. Почему нет гвоздей? Не хватает металла. Почему не хватает металла? Да потому что не хватает руды. Что ж, станем добывать больше руды! Но для того чтобы добыть больше руды, надо больше железных лопат. А чтобы снабдить рудокопов лопатами, пусть они поднапрягутся и увеличат добычу, пока инженеры не создадут экскаватор. Наконец экскаватор создан. Добыча руды сразу подскочила. Но и для сборки экскаваторов тоже нужен металл. Одного передельного не хватает, опять получается дефицит руды. Как его устранить? Очень просто. Надо увеличить объем экскаваторного ковша с полутора до трех кубометров. Но ведь ковши и двигатели тоже делаются не из дерева, для них опять нужен металл. И вот мы добываем руду уже не пяти-, а восьми-, а затем пятнадцатикубовыми экскаваторами. Наконец шагнул на рудник шагающий, за ним — роторный.

А металла как не хватало, так и не хватает...

Сколько тонн весит роторный экскаватор? Самое интересное то, что о дефиците гвоздей давно позабыли... Есть дела поважнее. Система, созданная для снаб-

жения народного хозяйства обычными гвоздями и подковами, начинает работать уже не на народное хозяйство, а сама на себя. Дефицит металла как тень следовал за техническим прогрессом, а в этой системе он, этот дефицит, увеличен уже в десятки, а то и в сотни раз. Та же картина с дефицитом электроэнергии...

Хочется спросить ученых: существует ли предел промышленно-экономического роста? где он? имеются ли вообще научно обоснованные нормы и самого научнотехнического прогресса?

Ежегодно из недр планеты Земля мы изымаем с помощью всяческих экскаваторов 20 миллиардов тонн живой земной плоти, которая создавалась не нами. И только 2 процента (2!) составляет то, что создаем мы из 20 миллиардов тонн. Остальное отбрасываем¹. В слепой, как говорят, природе никогда не было никаких отходов. У человека, вооруженного знаниями, получается 98 процентов отходов. Если это прогресс, то что такое регресс? Если это научно, то что такое не научно?

Человечество то и дело пытается перехитрить природу. Кое-что удается, но конфузов тоже достаточно. Научные и общественно-политические журналы двадцатых годов всерьез и усиленно разрабатывали тему «омоложения». Мода вроде бы совершенно науке противопоказана, а вот поди ж ты! М. Булгаков ехидничал на эту тему в «Роковых яйцах» и в «Собачьем сердце», но «омоложение», возглавленное Лепешинской, из мечты быстро превратилось в теорию. Тесрия же тотчас начала взаимодействовать с практикой... Академик Лысенко проводил яровизацию семян с помощью не тепла, а холода. Существовало еще множество не менее утопических проектов. Гигантомания торжествовала не только в плане научно-техническом, но и в социально-экономическом.

Конечно, наши селекционеры двигались главным об-

---

¹ Безотходное, экологически чистое производство возможно только в сельском хозяйстве, причем в его домашнем, дохимическом варианте. Об этом еще в прошлом веке говорил философ Н. Федоров: «В санитарном отношении города производят только гниль и затем почти не превращают ее в растительные продукты; следовательно, отдельное существование городов должно давать перевес процессам гниения над процессами жизни... По мере увеличения городов вопросы санитарный и продовольственный будут принимать все более острую форму, становиться все жгучее и жгучее».

разом в направлении взвинчивания веса и объема, то есть количества. Качество замалчивалось. Вопреки диалектике замалчивается оно и теперь. Его величество Количество свирепствует не только у нас, но и на Западе. Кто не удивлялся невыразительности вкуса и запаха западноевропейского хлеба? Красиво, пышно, бело. Но жуешь, как резину, никаких нюансов. Впрочем, нюансы-то есть, их немало. В одной ФРГ выпекается более 200 сортов хлеба. Я, разумеется, не занимался дегустацией всех сортов. Сужу по общему впечатлению от западного, причем общедоступного, непривилегированного хлеба. Мудрено ли потерять вкус и запах, если урожайность в Англии дошла уже до 70 центнеров с гектара? Во Франции и Германии урожайность меньше, но технология зернового производства там также не обходится без минеральных удобрений, иными словами — без химии. Весь мир «химичит». Фермерское движение за полное освобождение зернового хозяйства от химии в Европе только начинается. Но уже сейчас оно имеет широкую общественную поддержку. Само собой, фермерам, которые поставили задачу обходиться без минеральных удобрений, без гербицидов и других химических препаратов, приходится несладко. Но за ними будущее.

Еще одна газетная вырезка:

«Без химии выгоднее»

Английские сельскохозяйственные эксперты предсказывают, что в последующие несколько лет возрастет производство продовольственных культур без использования искусственных удобрений и химикатов. Уже резко увеличилось, например, число членов кооператива фермеров, употребляющих только органические удобрения. Чтобы вступить в кооператив, необходимо на протяжении двух лет не применять никаких химикатов, то есть накопить достаточный опыт. Одновременно становится дороже зерно, выращенное с применением только органических удобрений: за пшеницу платят на 30 процентов, а за овес — на 40 — 50 процентов больше обычного».

Эту заметку в «Советской России» надо было бы поместить не в «Интеркурьере», а на первой полосе и набрать не петитом, а крупным шрифтом.

Химический состав хлеба (мы едим его значительно больше, чем западноевропейцы) вызывает тревогу ме-

диков. На отравленной земле не может вырасти не отравленный колос, не отравленный корнеплод! А то, что земля наша уже сейчас перенасыщена ядами гербицидов и иного происхождения, не вызывает сомнения. Об этом говорил мне академик Терентий Семенович Мальцев. Немецкий профессор Лотар Финке также утверждает, что «аккумуляция отрицательных факторов в почвах продолжается, если даже прекратить вносить химические вещества» (доклад на Дортмундской встрече советских и западногерманских экологов и писателей).

Говоря проще, даже одноразовое внесение в почву химического вещества вызывает в ней длительный отрицательный процесс. По словам академика Т. С. Мальцева, необходимы серьезные капиталовложения для избавления пахотных земель от ядов и химикатов. Но у нас даже не существует подобных технологий! И, самое главное, использование химии в сельском хозяйстве все нарастает. Одновременно мы спускаем навоз в реки и озера, вместо того чтобы вернуть его земле, мы шуруем котлы наших ТЭЦ ассигнациями, точнее торфом. Даже полуграмотному агротехнику ясно, что навоз, особенно в сочетании с торфом, легко, словно бы походя восстанавливает всю плодородную силу земли!

Однажды Юрий Александрович Прилежаев (бывший секретарь Белозерского райкома) нарисовал мне «бочку Либиха». Эта бочка просто и образно объясняет смысл химической подкормки земли. Пусть каждая клепка будет помечена химическим элементом: натрий, бор, азот, железо, калий и т. д. (чем больше клепок, тем лучше). «Так вот,— объясняет Юрий Александрович,— допустим, что бочка до краев заполнена химическими удобрениями. Но, если в ней окажется недостаток хотя бы одного элемента (например, бора или фосфора), все содержимое бочки, расположенное выше минимальной отметки, будет использовано впустую. Урожай не получится.

Это каким же академиком должен быть каждый наш агроном, каждый тракторист и сеяльщик, чтобы в точности рассчитать химический состав удобрений, вносимых в почву! При этом ведь надо знать еще и химический состав самой почвы — по участкам, полям и по районам.

Всем известно, как используются химические удобрения на практике. Миллиардные затраты на строи-

тельство химических гигантов не окупаются, их продукция все больше отравляет землю, воздух, воду и нашу еду. Я видел, как удобрения смывало весенним половодьем, как мешки с нитрофоской бросали под колеса буксующих автомобилей...

Человечеству, если оно хочет выжить, рано или поздно придется вернуться к простому, проверенному веками, естественному крестьянскому, замкнутому и потому безвредному циклу: земля — зерно и корм для скота — навоз — земля. В этом убеждены участники европейского «зеленого движения».

По существу, «зеленое движение» уже обозначилось и в нашей стране. Судя по всему, ни на Западе, ни у нас сторонникам этого движения судьба не припасла легких путей. Им необходимо двойное мужество, поскольку времени на спасение осталось очень немного...

Каждый день на Земле исчезает один из биоиндикаторов, как называют виды животного мира. Природа штурмуется с двух сторон: истощением и отбросами человеческой деятельности. Упомянутый выше профессор Лотар Финке, говоря о приближающейся экологической катастрофе, напоминает о сравнительно новом дефиците — дефиците исполнения законов. Власти ФРГ, по его словам, во многом игнорируют исполнение законов по охране среды. А разве у нас мало принято хороших законов?

Главная общая мысль, выраженная на Дортмундской встрече: вид гомо саниенс вошел в противоречие со всеми остальными видами живой природы. «Философия экономики опирается пока на философию благосостояния,— гсворит далее профессор Финке.— Но разве не ради человека необходима охрана среды? Мы должны быть готовы к ограничениям в комфорте».

Японский писатель Хироси Нома на советско-японском симпозиуме в Иркутске напомнил о докладе ООН, где говорится, что «к 2000 году угроза исчезновения нависнет над одной третью видов живых существ». Комитет ООН подчеркнул исключительную ценность лесов для жизни на нашей планете. О том, что говорилось в Иркутске о воде, лучше пока умолчать, нужна отдельная и основательная статья...

Но времени на раздумья у нас нет. Безвредных доз радиации не существует. Поливальщики всего за несколько лет выхлебали целое Аральское море. Байкаль-

ское море выхлебать потруднее, но отравить можно в одну неделю. Шексна недавно была отравлена еще быстрее. Статистика кишечных и прочих заболеваний в Вологде читателям неизвестна, как неизвестна и статистика промышленных и сельскохозяйственных сбросов в питьевые источники. Химический состав картофеля, овощей, фруктов, которые мы едим, также нам неизвестен. Не зря же, придя на базар или в овощной магазин, некоторые люди предпочитают покупать яблоки с червоточинами. Но это, в общем-то, наивно, потому что червяки, личинки и вирусы легко приспосабливаются к химии, а тараканам, говорят, не страшна и сама радиация. Стоит ли нам перенимать опыт жуков и личинок? Не лучше ли отказаться от самой химии в производстве продуктов, вернуться к биологической защите таких наших кормильцев, как плод, клубень и колос?

Все эти возгласы отчаяния специалисты-плановики называют растерянными криками обывателя. Подобное мнение плановиков и хозяйственников подкрепляется многими безответственными учеными.

Ученых, имеющих совесть, не так уж и много. Ведь что ни говори, а лихо у нас поставлено дело не по самому научному производству, а по производству рабочих мест. В стране созданы если не сотни, то, во всяком случае, десятки научно-исследовательских институтов. Количество академиков, профессоров, кандидатов, старших научных сотрудников и лаборантов измеряется шестизначными числами. Но чем бы измерить нам качество всей этой грандиозной научной армии?

Иные журналисты и чернобыльскую трагедию преподносят как стихийное бедствие вроде землетрясения. Позвольте, друзья, какое же оно стихийное, ежели электростанция создана нашими же руками? Кто-то ее придумывал, давал чертежи, строил. И кто-то должен был хотя бы ответить за эту трагедию! В одном из репортажей по радио говорилось аж о пользе случившегося. Репортер вздох рассказывал о том, как закалились на этом деле многие партработники. Как тут не вспомнить грибоедовского Скалозуба. Говоря о Москве, он заявляет:

По моему суждению,
Пожар способствовал ей много к украшению.

Мы наострились жить так, что зачастую тратим деньги на устранение следствий и тем самым на еще большее укрепление причин. Примеров вполне достаточно. (Взять хотя бы создание того же Детского фонда. У кого язык повернется сказать что-либо против детей? Но детские дома и сироты при живых родителях — это уже следствие, а не причина беды. Видя гуманное отношение государства к брошенным детям, матери-кукушки и отцы-побегушки не исчезают, они увеличиваются в числе. Или: под благовидным предлогом борьбы со злом мы строим пресловутые ЛТП, расширяем сеть наркологических пунктов, тратя на это народные деньги. Но это то же самое, что увеличивать количество тюрем для того, чтобы сократить количество преступлений.)

Есть английская пословица: мы не настолько богаты, чтобы покупать дешевые вещи. А мы? Неужели мы настолько богаты, чтобы продавать сырье и покупать не только лезвия и колготки, но и зарубежную, иногда отнюдь не передовую, технологию, устаревшее оборудование и залежалое натовское масло?

Уже шестьдесят лет мы продаем лес. Торгуем нефтью и газом, вывозим кольскую и другую руду. В погоне за иностранной валютой все у нас идет в ход: меха, сибирские панты, женьшень, вологодская брусника и клюква, икра каспийская и дальневосточная, осетрина и красная рыба. Ничего не оставляем себе. (Тот, кто торгует, вряд ли сидит за обедом без икры и лосося.) Да бог с ней, с икрой, была бы простая баранина! Но ведь нет в Вологде и баранины, хотя только в одном Кумзере содержится многотысячная отара романовских овец.

Да, госплановские работники не жалеют природных деликатесов для заграницы, не жалеют и других природных ресурсов. Подстегиваемые контрактами, они то и дело подгоняют нашу добывающую промышленность: давай! давай! Больше леса и газа, больше пушнины! И промышленность дает. Сверхплановая пушнина, сверхплановая рыба, сверхплановая древесина. Что значат они для нашей страны? Представим себе донора, который решил ежемесячно сдавать полкило сверхплановой крови...

Леспромхоз, продвигающийся широким фронтом, охватывающий Тимонику с трех сторон, с непостижимым

упорством перекачивает мои родные леса в чрево зарубежной и нашей промышленности. Одновременно рубли и червонцы перекачиваются в бесчисленные карманы трактористов, чокеровщиков, крановщиков, лебедчиков. Эти давно разучились пахать. Потомки северных и украинских хлеборобов, одетые в яркие японские куртки, рубят и рубят. В республике Коми создано целое государство для лесорубов-болгар. На Дальнем Востоке... Но я уже и сам себе надоел со своими жалобами. Как бы мне сбиться с критического занудного тона и перейти на иной лад? Конструктивный, как говорят на собраниях...

Написав эту строчку, я вдруг взглянул на часы. Утро давно позади, но штора задернута и горит мощная настольная лампа. Я, конечно, выключаю лампу, но ведь это нужно было сделать намного раньше. Час или полтора она горела напрасно. На улице — солнце. Зимнее, пушкинское. Однако весь день горят мощные фонари. Сколько раз я видел, слышал, как дизельный трактор часами молотит в заулке, пока тракториста угощают за привезенное сено так называемым чаем! Как много горит ламп среди бела дня, крутится электромоторов, чихает компрессоров, полыхает газовых факелов! Вместо того чтобы вовремя выключить двигатель, мы спешим строить себе новые Чернобыли и новые Чебоксарские ГЭС. При этом затапливаем драгоценную нашу Землю. Площадь Нидерландов — 36,9 тысячи квадратных километров. Площадь одного Куйбышевского водохранилища 6450 квадратных километров. Затоплена только под одним Куйбышевом шестая часть Нидерландов, чьи фермы чуть ли не весь натовский союз обеспечивают сыром и маслом.

Возникает порочный круг, связанный с техническим прогрессом.

То, что в природе все взаимосвязано, мы начали понимать только теперь, да и то не каждый. Нам до сих пор кажется, что природа неисчерпаема. Мы все еще убеждены, что она вынесет любое наше деяние и сама по себе залечит любую рану. Какое поразительное легкомыслие, какое безответственное мироощущение, свойственное детскому возрасту! Еще ужаснее королевский размах, выраженный в циничной фразе «После нас хоть потоп». Живи Людовик XIV сейчас, он мог бы погордиться: выживаемость подобного отношения к миру ока-

залась намного универсальней, чем он думал. Роскошные версальские анфилады, конечно, величественней нынешних министерских кабинетов, но они почти не отапливались, французский король тратил на свое личное согревание меньше калорий, чем любой нынешний парижский мусорщик. (Ко всему прочему, проблема туалетов в Версальском дворце решалась намного проще и примитивней. В этом смысле король и маркиз были ближе к природе, чем нынешние коровы на наших животноводческих комплексах.)

Итак, «после нас хоть потоп», или более родственное «на наш век хватит», или нечто научно-романтическое, вроде: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача». А то и совсем уж радостные лозунги, призывающие перевыполнить план по рубке леса, по вылову рыбы, по заготовке пушнины. Только пора бы уже нам понять, что плановое заимствование у природы равносильно плановой с нею расправе, плановому ее убийству. Человек, как утверждают ученые, сам часть природы. Что ж, не логично ли тогда и такое выражение: «плановое самоубийство»? Тогда что это — ошибки планирования или планирование ошибок?

На Западе, в обществе потребления, где якобы царит анархия рыночного хозяйства, подобное самоубийство тоже ведь происходит планомерно. Там грабят природу еще более обдуманно, обворовывают сами себя еще более умно и рационально. Ворсство это замаскировано дальностью расстояний: например, мебель производится в США, а дерево везут с Амазонки, бычков откармливают в Европе, а корма завозят из Африки.

Говорят, что американцы законсервировали собственные нефтеносные месторождения, сберегают их про черный день. Но разве не из той же планеты выкачивается арабская нефть? Завороженное техническим прогрессом общество потребления, увы, тоже не ведает, что творит. Французский клерк, сидя не в «ягуаре», нет, — сидя в самом затрапезном «ситроенчике», не подзревает, что он — расточитель. Причем расточитель похлестче самого Людовика, поскольку тот, как известно, ездил на лошадях.

Чудовищная трата энергии сопровождается людей в их неудержимой, ничем не контролируемой погоне за комфортом. Во имя комфорта мы безжалостно терзаем

земную плоть, сжигаем вместе с газом, углем и нефтью атмосферный кислород, запасы которого уже не успевают пополнять вырубаемые нами леса. Но всем нам, любопытным народам Земли, мало одних гонок за все усложняющимся комфортом. Мы придумываем еще и военные игры, загрязняем уже и околоземное пространство... И все это, вместе взятое, назвали цивилизацией. Движение к собственной гибели кличем прогрессом, а тех, кто предостерегает, кто требует охладить пыл, обзываем ретроgrадами, мракобесами, обскурантами.

Конечно, я ни за что не осмелюсь сказать, что в жизни нет ни ретроgrадов, ни мракобесов, ни обскурантов. Минуло десять лет после начала изнурительной, затяжной бумажной войны с перебросчиками: кажется, за эти годы я стал заправским доносчиком... Моя первая бумага, посланная в Совмин, уже пожелтела. Бегут годы, вернее, улетают куда-то. Тот премьер давно лежит в Кремлевской стене, а его замечания и резолюция на моем письме сделаны словно вчера. Пожелтел, пересох и пакет с такой вот надписью: «Для документального рассказа. Собрано на полу в разрушенном домике в брошенной деревне 25 марта 1975 года, в Усть-Кубенском районе». Этот конверт набит налоговыми обязательствами и квитанциями. Тут же снимок военного летчика. На фотокарточке, как раз на лбу, след резинового каблука.

Но я ищу другой, не этот конверт. Вот же он, целехонек... Я держу его в руках, но почему-то не вскрываю, снова откладываю. Ничто не проходит бесследно. Когда-нибудь понадобятся и эти бумаги. «Да кто же тебе мешает? — опять говорю сам себе. — Возьми и вскрой!» Вскрыть?

Пусть полежит еще...

Вологда, 1988

ДЕРЕВЕНСКАЯ ТЕМА В КИНО

В кино сила дурных традиций ничуть не слабее, чем в каком-либо другом виде искусства. Хуже того: здесь она — эта сила — как мне кажется, еще более консервативна, еще более застойна.